

A man with a beard, wearing a dark, heavy jacket and dark pants, stands in a dusty, urban environment. He is positioned to the left of a dark-colored SUV. The background shows multi-story buildings and a hazy, dusty sky. The overall mood is gritty and action-oriented.

Кирилл Неплюев

БЕШЕНСТВО **Z**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Неплюев

Бешенство Z

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69314224
SelfPub; 2023*

Аннотация

Из биологической лаборатории под контролем ЦРУ вырывается смертельно опасный и до конца не изученный мутировавший вирус бешенства и начинает своё шествие по планете. А спецслужбы двух государств открывают охоту за биоразработками. Смогут ли люди, оказавшиеся в хаосе катастрофы между молотом и наковальней, выжить в умирающем мире и передать данные по исследованиям русской разведке? Об этом – в новой книге «Бешенство Z».

Кирилл Неплюев

Бешенство Z

Сюжет данного произведения, а также любые события, имена и фамилии вымышлены. Любые совпадения случайны и автор за них ответственности не несёт.

30 апреля. Москва. Андрей Орлов. Конец первой недели.

Полметра до смерти – это много или мало? По-настоящему понять это можно только тогда, когда твоя жизнь в опасности. Когда то, что может тебя убить с одного удара, проносится буквально перед лицом. И как же интересно переплетены ниточки событий в этой жизни. Именно в такие моменты начинаешь понимать, что всё не случайно. Почему это произошло именно сейчас, и какова была вероятность оказаться в одно и то же время, в одном и том же месте, с теми несчастными, которым точно так же не повезло мгновением ранее?

Эти мысли, проплывшие на границе сознания и бессознательного и абсолютно не осевшие даже лёгким следом в памяти, посетили на миг затуманенную шоком первых секунд голову и резко отхлынули назад, вернув из небытия в привычный материальный мир. А на замену им пришла тянущая

боль внутри черепа.

– Очнись! Андрей, очнись!!! – испуганная женщина трясла мужа за плечо, пытаясь привести в чувства. Передняя часть автомобиля с водительской стороны была искорёжена от удара в левый угол. Микроавтобус «Фольксваген» с проблесковыми маячками и расцветкой автомобиля реанимации две минуты назад резко сменил курс и на полной скорости, перепрыгнув через бордюр и газон и сбив дорожный знак на перекрёстке, ударил в легковушку с четырьмя пассажирами, а затем лег на бок, и проскользив по асфальту пару метров, остановился. «Тойота Королла», в которой ехал Андрей Орлов со своей женой и двумя детьми, пусть и была хорошей и надёжной машиной, но после встречи с тяжёлым микроавтобусом скорой помощи лишилась половины передней части. Андрей от бокового удара сильно ударился головой о стойку между передней и задней дверью и даже на пару минут потерял сознание, получив сотрясение мозга.

Испуганная супруга потребовала у сына достать с задней полки аптечку, молниеносно вытащила нашатырь и сунула мужу под нос.

– Ты что, смерти моей хочешь? Прекрати! – запротестовал тот, моментально придя в себя, но через секунду схватился за голову от резко усилившейся боли.

– Папа, ты в порядке? – испуганная дочь тихонько тронула отца за плечо.

– Да, жить буду. Вы как, не пострадали? – крутить голо-

вой было тяжело, и Андрей повернул зеркало заднего вида к сидящим позади пассажирам.

– Вроде бы всё нормально. Машине конец, похоже. Что будем дальше делать? – за двоих ответил сын с заднего сиденья.

А что дальше делать – было решительно непонятно. В наличии – двое детей-подростков, пятнадцати и семнадцати лет соответственно, жена, куча личного скарба и разбитый в хлам автомобиль. А также – беспорядки на улицах, абсолютное непонимание перспектив, в особенности выживания без транспорта, отсутствие достаточного количества оружия. Средства массовой информации, к концу первой недели после начала катастрофы представленные парой радиостанций, находящихся под контролем военных, по-прежнему пытаются настраивать людей на спокойно-радостное восприятие окружающей действительности. Но при этом риторика с каждым днём на глазах меняется с «всё будет хорошо» на стремительное понижение. В эфир до недавнего времени ежедневно приглашались различного рода «эксперты», в закрытых студиях организовывались импровизированные ток-шоу, и при этом о правительстве огромного государства не было информации в течение нескольких дней, а Министерство Обороны и МЧС кроме инструкций для населения ничего нового практически не давали. То есть сведения, подававшиеся порционно, приходили чаще всего из не самых доверительных источников. Иногда появлялся в но-

востях представитель МО в чине генерал-майора вооруженных сил и давал сухую выкладку по теме усиления режима комендантского часа в зонах, по-прежнему контролируемых армией, военного положения, при этом абсолютно не объясняя и, похоже, до конца не понимая, что делать дальше. Самое плохое в этой ситуации было то, что семья лишилась транспортного средства, и как предполагалось добираться за почти триста километров от города до дачи родителей – было большой загадкой.

– Так, слушайте меня внимательно: сейчас самая главная наша задача – найти место, где можно укрыться, затем будем искать транспорт. Нам объективно крупно не повезло. Вы должны это понимать. Поэтому держимся друг друга, не раскисаем, не ноем, проявляем осторожность. Передвигаемся максимально быстро. Если что-то случится критическое – бросаем всё и всех и спасаемся. Это относится к каждому из Вас персонально.

Андрей огляделся насколько мог, внимательно посмотрел на лежащий на боку микроавтобус, от которого вверх поднималось облако пара из пробитого радиатора. Из реанимобиля так никто и не вышел. Учитывая то, что творилось вокруг, Андрей принял решение к машине даже не подходить. Кто выжил – тот выжил, ну а если нет... в общем, лучше лишний раз не рисковать.

– Наташа, – обратился он к жене, – вылезай из машины и смотри по сторонам внимательно. Отходи от двери, чтобы я

через пассажирское кресло мог вылезти. И возьми ружьё на всякий случай, потом мне отдашь.

Покинуть машину через водительскую дверь не представлялось возможным – она намертво была зажата в результате сильного удара, от которого повело стойку и заклинило механизм отпирания двери.

Наталья Орлова, супруга Андрея, приятная миловидная женщина тридцати восьми лет, быстро выскочила из салона, открыла заднюю дверь, чтобы выпустить детей, и забрала из рук у дочери двуствольное ружье 12-го калибра ИЖ-27 – единственное оружие, которое было у них на четверых.

Семейство Орловых принадлежало к породе рафинированной интеллигенции, как водится – очень либеральной и не признающей насилия ни в каком виде, поэтому о том, чтобы иметь оружие на случай чрезвычайной ситуации никто даже и не задумывался. Здесь, можно сказать, спас Его Величество случай: отец Натальи был спортсменом-любителем, ездил иногда пострелять по тарелочкам, а после его внезапной смерти от инсульта несколько лет тому назад, двустволка-вертикалка перешла по наследству дочери. Сдавать ружьё в полицию бесплатно на утилизацию или за три копейки не хотелось, как оформить или правильно продать – никто понятия не имел, да и не нужно было, поэтому оружие так и пролежало с тех пор в диване. Андрей стрелком был, конечно же, никудышным, потому как оружейной темой не увлекался, а «жопоголизмом» – подготовкой к концу света

в томительном и тревожном ожидании большой катастрофы – так и вовсе не страдал, но как пользоваться двустволкой знал, и трезво оценивая ситуацию за окном, конечно же, захватил её с собой. К сожалению, от тестя остались только две коробки нормальных по ситуации патронов, остальное всё спортивная дробь размером с пшено и абсолютно непригодная для мало-мальски значимых событий подобно тем, что творились сейчас. Тем не менее, двадцать пять патронов картечи 8,3 миллиметра и десять пулевых в наличии имелись. Хотя это так, конечно... уверенности придаёт, а в части эффективности – большой вопрос.

Андрей, как и любой выросший в удобных, благоприятных и «тепличных» условиях человек, был свято убежден, что насилию не место в развитом обществе, но при этом закон и порядок обязано поддерживать государство. Две противоречащие друг другу идеи как-то уживались в одной голове, хотя логических цепочек между ними не прослеживалось. Да и думать о политике – лишней раз голову забивать, неинтересно это было и утомительно. Профессионально Орлов занимался графическим дизайном, анимацией, в виде хобби – музыкой, и потому, как и практически любой человек творческой профессии, был некоторым образом оторван от мира. И Наталья также была представителем весьма специфической художественной профессии – ландшафтный дизайнер и флорист. Семья привыкла к спокойной и достаточно сытой жизни, какими-то прикладными навыками никто

особо не обладал, поэтому когда наступил час катастрофы – готовность к ней была околонулевая.

Андрей с трудом вылез через правую пассажирскую дверь, мысленно констатируя, что в свои сорок три года он изрядно себя запустил, да и в целом спортом не особо увлекался, и потому надо быть вдвойне осторожным именно сейчас, встал на заляпанный асфальт и забрал у Натальи ружье. Двое детей – высокая и худощавая дочь Настя и сын Пашка, слегка сутулый и угловатый подросток с неглупым, но рассеянным лицом – что довольно типично для его возраста – стояли рядом и ждали распоряжения. Андрей переломил ствол, чтобы лишний раз убедиться, что ружьё заряжено двумя патронами картечи – сделал это скорее рефлексивно и больше для самоуспокоения.

– Так, ребята, берем всё, что можем унести с собой. Документы, аптечку, продукты, возьмите по бутылке воды. Кидайте в спортивную сумку и рюкзак, чтоб не в пакетах тащить. А то недалеко уйдем. Делаем быстро. Раз-два.

Пока дети и жена сутились, собирая вещи, Андрей осмотрелся. На улице было тихо. Мимо перекрёстка за то время, что семья выбиралась из автомобиля после аварии и приходила в себя, по дороге промчались друг за дружкой три легковых автомобиля, гружёных барахлом по самую крышу, а спустя минуту – еще одна тентованная «Газель», также доверху забитая вещами. Никто не остановился – наоборот, автомобили ускорились, а пассажиры в это время испуган-

но-осторожно смотрели в окно, разглядывая семью, которой сегодня откровенно не повезло.

Андрей беспокоился. Слишком много времени потратили здесь, на перекрёстке, под многоэтажками. Наверняка их заметили. Вопрос – кто, и какие цели этот кто-то мог преследовать. Ладно, если испуганные горожане, те бедолаги, у которых не было ни возможности уехать, ни машины, ни места куда уезжать. А если не только они?

Огляделся. Приметил небольшую аптеку на цокольном этаже облицованной коричневой плиткой девятиэтажки. Метров пятьдесят, не больше. «Пока туда, там осмотримся, переведём дух и поймём, что дальше делать».

– Так, все всё взяли? Настя, рюкзак мне, – забрал у дочери набитый и довольно тяжёлый рюкзак с вещами, одел на плечи, перехватил ружьё поудобнее, – аптеку видите? Сейчас все бегом туда. Ни на что не отвлекаемся.

В ту же секунду в салоне микроавтобуса реанимации слышались глухие удары, будто кто-то колотил по крыше изнутри.

– Папа, там люди застряли, наверное? – Настя умоляюще взглянула на отца, – им же помочь нужно!

– Бегом к аптеке! И не подходи к машине. Сами себе помогут, – рявкнул Андрей и все четверо побежали. «Хорошая девочка, – думал он, – добрая и отзывчивая. Но совсем ещё дитя, наивное и глупое. Как бы её альтруизм не довел до печальных последствий». Орлов решил для себя во что бы то

ни стало добраться либо до безопасного места, либо до дачи родителей – смотря что получится сделать быстрее. Потому как с двумя подростками, совершенно оторванными от мира и не готовыми к потрясениям, каши не сваришь.

Подбегая к аптеке, все четверо услышали звук разбиваемого стекла реанимобиля позади. Из салона вылезал окровавленный человек. Андрей дёрнул ручку двери и та, к счастью, оказалась не заперта. Первым нырнул в полумрак помещения и получил резкий и болезненный удар тупым предметом по плечу сверху, около шеи. На миг перед глазами разлетелись звезды, затем вспышка в голове резко потухла и Орлов рухнул вперёд лицом на холодный кафельный пол, выронив двустволку. Позади одновременно закричали жена и дочь. Из последних сил Андрей перевернулся на спину. Голова жутко раскалывалась, плечо ужасно болело, перед глазами плыли круги. Внутри помещения находились трое мужчин, один из которых держал в руке деревянную палку, похожую на ножку от табуретки. Еще двое затащили внутрь аптеки жену и дочь. Один из нападавших – кавказец лет тридцати пяти – сходу ударил Наталью кулаком по лицу. Пашка бросился с криками на помощь матери, но куда было семнадцатилетнему совершенно неспортивному парню, увлекавшемуся программированием и шахматами, справиться с тремя взрослыми мужчинами. Кавказец ударил Пашку снизу вверх в живот, и тот свалился на пол с протяжным стоном. Что было дальше – Андрей понять и увидеть не смог, пото-

му как над ним, теряющим сознание, склонился сухой мужчина лет пятидесяти, со шрамом на лице и видом зэка-рецидивиста, и прижал Андрея рукой к полу. Орлов в полумраке в последний момент кое-как успел разглядеть татуировку со штыком на левом запястье нападавшего.

– Слышь, братва, – слева раздался голос третьего, – вот нам подфартило. У нас теперь и бабы есть, и главное – ствол. С ним столько делов порешаем.

– Заберите... всё, и оставьте... нас... – едва прошептал Андрей по слогам, теряя сознание. В ответ сухой зэк, державший его, размахнулся деревянной палкой и нанёс еще один удар сверху по голове, после чего Орлов потерял сознание, лишь в последнюю секунду уловив глухой, как будто доносящийся из бочки, крик жены.

За неделю до этого:

23 апреля. Киев. Юджин Левинсон.

Неприметная серая «Шкода» плавно остановилась возле проходной завода «КиевФармБио». Охранник вышел из будки, подошел к шлагбауму и, сверившись с данными пропуска на соответствие лица водителя фотографии, а также осмотрев салон, вежливо кивнул и разрешил въезд. Машина обогнула главный корпус, подъехала к небольшому одноэтажному зданию и остановилась на парковке возле входа. Водителю автомобиля предстояло пройти систему охраны на входе,

возле двери которого висела табличка «Хозблок», оставшаяся еще с советских времен, а затем спуститься на лифте на минус третий этаж. Под небольшим зданием неказистого вида располагалась научная лаборатория, уходящая под землю на несколько этажей.

Из автомобиля вылез аккуратно одетый седой невысокий мужчина, на вид около пятидесяти, хотя на самом деле прилично за шестьдесят, забрал из салона черный дипломат и направился ко входу. Этим мужчиной был Юджин Левинсон, один из лучших в мире специалистов по вирусологии.

Юджин относился к классу абсолютно безумных фанатиков своего дела, да и профессию он выбрал, требующую изрядной доли самоотречения. Годы обучения и постоянной практики сделали из него профессионала высочайшего класса. Из своей почти сорокалетней карьеры большую часть времени Левинсон работал на ЦРУ.

Левинсон получил совершенно блестящее образование, сначала окончив университет в Мичигане, Ист-Лансинг, на факультете вирусологии, а уже на четвертом курсе ему предложили работу в лаборатории на кафедре. Потом практически сразу поступил в Университет штата Юта, Солт-Лейк Сити, на факультет биохимии и, как и в первый раз, окончил программу с отличием. К концу обучения Левинсон был завербован ЦРУ и продолжил работу уже как молодой специалист по разработке новых штаммов. А через пару лет ЦРУ оплатило обучение на факультете славистики в Стэнфорд-

ском университете. Юджин уже тогда прекрасно понимал, как, с чем, и главное – против кого ему придётся работать в достаточно обозримой перспективе.

Когда рухнул СССР, Левинсон уже всюду трудился над рядом особо важных проектов, к которым ЦРУ относилось максимально ответственно и с большими ожиданиями. Ежегодно на разработку бактериологического оружия, а также на изучение воздействия нововыведенных штаммов вирусов американским правительством тратились миллиарды долларов. Левинсон был не только талантливым и активным ученым, но и максимально лояльным государственной системе сотрудником. В нём происходило смешение двух так необходимых подобного рода специалисту качеств – патриотизм и чувство превосходства американской нации и полная беспринципность и наплевательское отношение к жизням людей за рубежом, не-американцам. И в том числе благодаря этому он очень быстро стал руководить рядом крайне важных и секретных проектов за рубежом. Жизнь состояла из большого количества длительных командировок по полгода-год, когда Юджину приходилось руководить проектами по организации исследовательских лабораторий в разных странах и на разных континентах, а также курировать имеющиеся наработки. По молодости постоянно брал с собой в длительные поездки жену и ребёнка, а в последние годы она перестала с ним ездить куда-либо вообще, устав от кочевой жизни и постоянной смены стран, климата, культур и

часовых поясов. Всё это негативно сказывалось на её и без того не слишком крепком здоровье. Тем не менее, Юджин, как и любой фанатик своего дела, работу ставил превыше семьи, и так и продолжал заведовать проектами по биоразработкам, хотя те деньги, что ему платило ЦРУ, позволяли давно осесть практически в любой точке земного шара на пенсии, доживая сколько отмеряно в тепле и комфорте.

Левинсон уже успел «засветиться» в работе с DTRA – Управлением Министерства Обороны США по снижению военной угрозы, хотя по факту работал над биодиверсией в одной маленькой, но очень гордой стране Закавказья. Где как раз накануне очередной заварушки по югу России прошлась эпидемия африканской чумы свиней, выкосив большую часть свиноводства на югах, в центральной России и уничтожив почти всю популяцию кабанов до Урала. Пока русские чесали голову, думая как противостоять эпидемии, африканская чума свиней не только вернулась в Закавказье и ударила по стране, в которой стояла биолaborатория, но и прошлась метлой по восточной Европе. Американцы убили сразу двух зайцев: нанесли удар по агропромышленному сектору России и вызвали панику на продовольственном рынке Европы.

Помимо этого, Юджин также руководил лабораторией, занимавшейся возбудителями чумы и бруцеллёза во Львове, за год до этого – приложил руку к распространению бубонной чумы в Кыргызстане, но тогда последствия удалось быст-

ро локализовать, и в итоге умерло всего полторы сотни человек. Однако бубонная чума была скорее экспериментом – ЦРУ планировало посмотреть, можно ли возродить побеждённую сто лет назад болезнь в странах с низким санитарным контролем, отсталой медициной и медленными реакциями местных властей. Помимо этого, Юджин изучал воздействие конго-крымской геморрагической лихорадки на население Афганистана. Да и много где еще успел побывать, включая Юго-Восточную Азию. Но основное время своей работы, конечно же, провёл в странах, соседствующих с Россией. Потому как именно на Россию был направлен пристальный взгляд ЦРУ, как на основного геополитического противника, которого всеми силами нужно если и не уничтожить, то хотя бы ослабить на предельно возможный уровень. Причем, с точки зрения инструментов, ЦРУ было, в общем-то, всё равно чем заниматься – на бесконечно продолжающейся войне за место главной козырной карты на мировом геополитическом столе были все средства хороши. Лабораторий по всему миру были разбросаны десятки, и Левинсон в тот или иной период своей научной деятельности работал как минимум с половиной из них. В своей нынешней командировке Юджин работал в Киеве, под крылом «КиевФармБио» – компании, выпускающей лекарственные препараты для рынка Украины, и при этом имеющей оставшийся с советских времен подземный научно-исследовательский центр, переоборудованный под биологическую лабораторию год назад. Левинсон лично курировал работу по

подготовке лаборатории и занимался удалённо проектным менеджментом, а когда ответственные лица на месте сообщили, что всё готово и исследования уже начались, прилетел в Киев и последующие несколько месяцев трудился над проектом.

Юджин вошёл в здание. На проходной приложил магнитную карту к считывателю, быстро кивнул серьёзного вида охраннику в стекляшке на КПП, и пройдя до конца по коридору, спустился на лифте на минус третий этаж.

Когда открылись двери лифта, Левинсон вновь очутился перед закрытыми стеклянными дверьми, пройти через которые можно было также по магнитной карте, но с открытой программно определенной зоной допуска. В лаборатории работали и местные специалисты, но в основном – на минус втором и минус первом этажах, в технических помещениях или зоне обслуживания, и на минус третий большинство из них доступа не имело.

А далее – стандартная процедура, повторенная ровно столько раз, сколько Юджин сюда спускался: на входе – автоматический замер температуры тела. 36,5 – все хорошо. Второй раз замер будет делаться вечером, на выходе. Потом раздевалка. Спецкостюм надевается чистым, вечером сдается в санобработку и сушку, а утром вновь висит в раздевалке в именном шкафчике. После – быстро выпить чашку кофе из автомата в предлабораторной зоне (потому как потом сделать это будет невозможно – выход на улицу до конца сме-

ны закрыт, а принимать пищу и напитки в зоне проведения исследований было категорически запрещено) и как минимум до обеда возиться в экспериментальной части лаборатории. А уже потом можно будет пройти через очистку, скинуть в приёмник в раздевалке костюм, пообедать и заняться бумажной работой в офисной части. Всё продумано, всё разумно и отработано не единожды в разных регионах мира.

Быстро переодевшись, Левинсон в очередной раз поймал себя на мысли, что уже который раз забывает сделать запрос в отдел матобеспечения по поводу сроков поставки новой лабораторной спецодежды для себя. Все комплекты, какие были, уже закончились, а закупщики пока так ничего и не притащили, хотя обещали со дня на день. На Украине закупить подобную одежду на целую лабораторию было не только невозможно, в силу ряда требований по регламенту соответствующих служб США, но и вызвало бы некие вопросы – кто, зачем и почему. А светиться без необходимости – нет резона, пусть даже местные спецслужбы и правительство были в курсе деятельности лаборатории и даже сами помогали всеми силами. Однако соблюдать осторожность всё же требовалось. В любой стране и у любого правительства всегда есть оппоненты, да и спецслужбы у соседей тоже не дремлют...

Поэтому Юджин пообещал себе, если опять не забудет в горячке работы, во второй половине дня связаться с материальщиками и уточнить, когда придёт посылка по линии

МИДа, потому как на его костюме уже несколько дней как отсутствует липучка на манжете рукава, которую учёный по неосторожности оторвал, сдвигая столы. Оно, конечно, ничего страшного, кожными заболеваниями здесь никто не занимается, но всё же лишний раз стоило бы иметь полностью исправную спецодежду, пусть даже для соблюдения порядка.

Войдя в лабораторию, Левинсон поздоровался со своими коллегами-подчинёнными, подошёл к столу помощницы и сел на второй стул.

– Доброе утро, Оливия, – обратился Юджин к коллеге, которая в этот момент склонилась над микроскопом, внимательно изучая пробы крови лабораторных объектов – как здесь называли подопытных животных. В данный момент шла работа над одним из новых штаммов бешенства, который должен был в перспективе распространиться – как это понял сам Левинсон из тех обрывков сведений, что у него были от куратора в ЦРУ – по югу России, зайдя с Украины через Воронежскую и Белгородскую области, чтобы поразить поголовье крупного рогатого скота. Предполагалось несколько вариантов попадания *Neurocytes rabid* в кровь животных одновременно: заражённые корма, сено, кусковая соль и непосредственно заражение животных при продаже оных местным агрохолдингам и мелким хозяйствам. Также предполагалась прямая биодиверсия в виде подбрасывания заражённых грызунов в коровники. Люди на местах уже подобраны и ждут команды для организации всех необходи-

мых мероприятий.

В данный момент в лаборатории как раз работали с крысами, стараясь всеми силами замедлить стационарный период для более полного охвата территории и при этом повысить вирулентность заболевания.

– Здравствуйте, Юджин. Вы готовы? – Оливия оторвалась от микроскопа и внимательно посмотрела на коллегу.

– Да, вполне. Что у вас? – Левинсон ждал результаты вчерашних тестов. Расшифровка должна была быть готова как раз к утру сегодняшнего дня – или поздним вечером в США, где в этот момент также трудились специалисты-вирусологи, всеми силами помогая коллегам в Киеве закончить исследование как можно быстрее.

– Вы были абсолютно правы. В этот раз все прошло несколько иначе... и более эффективно. Крысы, как и положено, по-прежнемудохнут, но болезнь протекает немного по-другому. Кстати, должна заметить, что в последний раз когда мы с Вами тестировали вирус на стойкость к окружающей среде, он показал более высокие результаты чем прежде. Помимо этого, вирион стал медленнее разрушаться при обработке дезинфектантами, включая хлорсодержащие соединения, а при нагреве выдержал температуры до 80 градусов по Цельсию или 176 по фаренгейту. Также, при нагреве до 50 градусов по Цельсию вирус погиб спустя полтора часа, что лучше предыдущего показателя в час десять.

– Патогномоничные симптомы?

– Без изменений, ничего нового.

– А что по реакциям центральной нервной системы? Есть изменения, в сравнении с предыдущими результатами? – Юджина больше всего интересовало именно воздействие на ЦНС животных, потому как речь шла не о создании лекарства, а именно о видоизменении самого вируса.

– Вирус на этой подопытной группе крыс проявился несколько иначе. Аксонный транспорт клетки вируса в ЦНС начал работать быстрее, Р-белок намного лучше подавил интерферон, эффективно снизив иммунную реакцию организма, однако поражение ЦНС прошло намного быстрее, чем мы ожидали. В итоге, наша цель перевёрнута с точностью до наоборот – при высокой вирулентности также в разы сократился стационарный период заболевания. Можно сказать, что данный результат стал максимально эффективным с точки зрения повышения смертности в короткий период времени, но при всём при том поставленной цели мы не добились даже близко, а скорее наоборот.

– Что же, – Левинсон на секунду задумался, – данная подопытная группа пусть пока остается под наблюдением до гибели последнего экземпляра, нужно будет исследовать каждую особь и зафиксировать всё до мельчайших деталей. Поручите это кому-то из ваших помощников. В общем, негативный результат – тоже результат. Потому как мы всё же получили вирус с быстрым протеканием и высокой летальностью, что тоже хорошо. Однако результаты теста можно счи-

тать несостоявшимися в ретроспективе поставленных целей. Это у нас какая с вами группа исследуемых, получается?

– Это тридцать восьмая, – ответила Оливия, – похожие результаты, но с несколько другими параметрами, также показывали двадцать шестая и семнадцатая, но те исследования я предлагаю отправить в архив, так как показатели нестабильны, а у нас есть вчерашние итоговые результаты, которые перекрывают в части ряда параметров всё, что было сделано до этого.

– Согласен с Вами, – удовлетворенно кивнул Юджин. Он уже знал, что когда добьется поставленной задачи, у него на руках будут сразу два варианта, которые он с удовольствием представит куратору – быстрый и долгий. И обоим найдется применение, вне всяких сомнений.

– Что будем делать дальше? Новая группа?

– Да, Оливия. Распорядитесь, чтобы подготовили еще дюжину крыс тремя группами, есть некоторые задумки.

– Хорошо. Сегодня сделаю. Уже всё подготовлено.

«Молодец», – подумал Левинсон, – «вот чем хороший специалист и подчиненный отличается от дурного – скоростью предоставления информации, разумной инициативностью и предугадыванием возможного развития событий в работе». Юджин был более чем доволен сотрудницей, хорошим спецом и просто умной женщиной.

– Так, а что по реакциям у подопытных?

– Группа ведет себя по-разному, но это скорее зависит

от физических параметров каждой конкретной особи. Что совершенно идентично у всех крыс – повышенное слюноотделение, свойственное животным при бешенстве, с высокой концентрацией вируса в слюне, а также повальная апатичность и сонливость уже на третий день после заражения, а в течение короткого промежутка времени после этого – всплеск агрессивности и нервного возбуждения. Вчера половина подопытной группы перегрызла друг друга. К ним я подбросила в ковчег двух незаражённых крыс, и в итоге заражённые не просто их покусали, а убили и практически целиком съели. Я пока не знаю, почему, но заражённые крысы проявляют к незаражённым значительно большую агрессию вплоть до желания убивать и каннибализма, чем к большим собратам. Такую особенность поведения психики я пока объяснить не могу.

– Ясно, – Юджин кивнул. В принципе, этот результат он предполагал ещё до получения результатов. Вот что значит – профессионализм и опыт, интуитивно начинаешь понимать причинно-следственные связи даже в совершенно неочевидных результатах и вариантах развития событий. – Тогда отправьте мне результаты на почту, пока мы данную группу протестируем по другим показателям. А вы, в свою очередь, подготовьте базу для подопытной группы тридцать девять. Что делать – я скажу позднее.

– Тридцать восьмую пока наблюдаем?

– Сколько живых экземпляров осталось?

– Из двенадцати подопытных в живых осталось четыре.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Левинсон, – тогда давайте так: две особи отсадите и понаблюдайте, как быстро они передохнут. А еще две особи давайте попробуем потравить химией, посмотреть на реакции. Помимо этого, давайте сделаем следующее: подготовьте ещё сороковую группу. Её инфицируем точно тем же, чем и тридцать восьмую, но когда вирус начнёт проявляться в виде сонливости и апатии – половину группы проколем антибиотиками и иммуномодуляторами. Вторую половину группы – отсадите в отдельный ковчег, их будем лечить несколько позднее, когда крысы начнут проявлять агрессию друг к другу. Посмотрим, что будет, и насколько сложно... ну или наоборот, несложно – получится справиться с болезнью с помощью медицинских препаратов.

– Поняла. Тогда развёрнутый отчёт отправлю после обеда, а по двум другим группам – сообщу отдельно, когда будут готовы, и можно будет начинать новый эксперимент.

Левинсон был удовлетворён работой. Кажется, он стоял на пороге очередного открытия в вирусологии – новой формы бешенства животных, более смертоносной и эффективной. Осталось лишь поработать над стабильностью, но это будет не очень сложно – механизмы известны и исходный вирус изучен. И тогда – помимо очередной профессиональной заслуги и хорошей денежной премии – он поставит жирный плюстик над одним из самых сложных, интересных и смерто-

носных проектов по созданию биологического оружия в своей карьере. Вирус будет протестирован на агропромышленном секторе страны-противника, а дальше... дальше пусть решает правительство на Родине, что с этим делать. Никаких моральных угрызений Левинсон не испытывал – только профессиональный интерес и нужность своей стране.

Бегло просмотрев распечатки с показателями по вчерашним исследованиям, Юджин подошел к зоне содержания подопытной группы. Те самые, из тридцать восьмой. В ковчеге сидели четыре крысы, и чувствовали они себя, судя по внешнему виду, весьма неважно. Одна шаталась, две просто лежали неподвижно и смотрели в одну точку, а четвертая, судя по всему, умирала – лежала на боку, закрыв глаза, часто дышала и сучила лапками. Через пару минут перестала подавать признаки жизни.

– Подопытный объект из тридцать восьмой сдох, – сказал Левинсон лаборантам, не поворачивая головы. Затем аккуратно открыл верхнюю часть поликарбонатного контейнера-аквариума, как его здесь называли – ковчег, и протянул руку к лежавшей без движения крысе. – Так, ну-ка давай посмотрим, что тут у нас, – Юджин взял крысу за холку, поднял на уровень лица, повертел из стороны в сторону. Несколько раз щелкнул пальцем по передним лапам, чтобы посмотреть – будет ли реакция. Затем положил неподвижное тельце на левую ладонь, а пальцем правой руки попробовал раскрыть сначала глаза, затем челюсть. Внезапно крыса пришла

в себя, тонко пискнула и рванула вверх по левой руке, еще не понимая, где она находится, и юркнула в едва заметную щель между рукавом костюма и манжетой перчатки, попав под одежду. Всё произошло настолько неожиданно и молниеносно, что ученый успел только дёрнуть рукой, пытаясь стряхнуть грызуна, и вполне ожидаемо у него ничего не получилось. Левинсон выругался, почувствовав мелкие цепкие лапы под одеждой, и чтобы крыса не забежала уже под рукав рубашки с коротким рукавом, надетой под спецкостюм, прижал ткань к руке в районе локтя. В ту же секунду Юджин почувствовал не очень болезненный, но достаточно неприятный укус в руку, и моментально ударил по этому месту кулаком, добив грызуна окончательно.

К ученому подбежали два ассистента и помощница. Левинсон был не испуган, нет – скорее раздосадован, что допустил столь глупую оплошность. Не потому что не успел среагировать на животное, казавшееся мёртвым, а потому что халатно подошёл к использованию специального костюма. По правилам безопасности, спецодежду с повреждениями следовало либо утилизировать и взять новую, либо не вступать в прямой контакт с подопытными. С одной стороны, Юджин был аккуратистом и педантом, и всегда следовал предписаниям, чаще всего написанным кровью, но с другой – из-за срыва сроков в части матобеспечения, что редко, но бывает, особенно когда ты находишься на другом конце земного шара, совершенно не желал приостанавливать работу или хотя

бы вносить изменения в график. Ну, что же, иногда случаются неприятности, и даже профессионалы в повседневной работе допускают оплошности.

Левинсон не переживал насчёт возможного заражения бешенством. Он знал практически всё об этой болезни, и в том числе – как с ней бороться без последствий. Его угнетало другое – потерян подопытный экземпляр, как раз интересный тем, что показал нестандартную реакцию при развитии болезни.

– Сэр, вас укусили? Как вы себя чувствуете? – спросил один из лаборантов.

– Нормально. Не успела укусить. Жить буду. Возвращайтесь к работе, – соврал Юджин.

Подошла Оливия.

– Я так понимаю, вас все же укусили? Вам бы на карантин, по-хорошему...

– Да, куснула в руку, но не сильно. Пока времени прошло немного, да и потом – крыса, не собака. Слюны попало мало. Пойду в санитарный кабинет, пусть Войцех кольнёт меня антирабиком и иммуналом, и ранку заодно фурацилином обработает. Завтра ещё антибиотик поставлю, а послезавтра вакцину сделаем. И всё нормально будет.

– По нормам безопасности, вам следует лечь в одиночку на обследование у нас же...

– И выпасть из проекта на 8 недель? Уже май на носу, о чём вы. Понаблюдаюсь по ходу дела, всё равно ни с кем

кроме персонала я не контактирую, – отрезал Юджин тоном, не терпящим возражений.

– Ну, как знаете... – Оливия на миг задумалась, – когда вы вернётесь, отчёт по исследованиям будет у вас на компьютере.

Левинсон быстро прошёл в раздевалку, снял с себя защитный комбинезон, перчатки, маску, и сбросил всё в приемник на санобработку. Дохлую крысу выкинул из рукава в контейнер для биоотходов еще в лаборатории. Зашёл в душевую, встал перед зеркалом, осмотрел место укуса. «Ничего страшного, две маленькие отметины, даже крови нет. Может, эта крыса даже кожу не прокусила», – подумал он и, помыв руку водой с мылом, пошел в медкабинет.

После приёма у врача и обеда, Левинсон проследовал к себе в офис, и в течение получаса отправил отчёт о ходе разработок в США. Про укус инфицированной крысы решил умолчать, чтобы лишний раз не вызывать беспокойство относительно собственной персоны. Оставалось ещё два часа до начала рабочего дня в Северной Америке, однако спустя всего двадцать минут после отправки сообщения Юджину позвонили.

– Да, Джон, слушаю Вас, – ответил на звонок Левинсон. Его начальник, видимо, опять начал страдать бессонницей и уже с раннего утра торчал на работе.

– Привет, Юджин. Получил твой отчёт. Впечатляет, ничего не скажешь. Есть новости по срокам?

– Нет, сэр. Стационарный период заболевания по последнему эксперименту оказался очень коротким, продлить пока не получилось, но мы сделаем всё возможное. Если навскидку – предполагаю, что в течение одного-двух месяцев мы добьёмся результатов и выполним поставленную задачу. Но давайте лучше считать, что я хочу вас обрадовать отчётом на неделю раньше запланированного, чем огорчить на день позже.

– Хорошо, поставим тогда два месяца с текущей даты. Я передам сжатый отчёт наверх. Но на самом деле, я тебе сейчас не по этому вопросу звоню. DTRA собирается порезать расходы на биологические проекты, и часть наших исследовательских центров попадает под реструктуризацию. Кое-что они прикроют, кое-что объединят. Это временно, по требованию Конгресса. Как ты знаешь, сейчас у штурвала стоит республиканское большинство, но через полтора года предполагается очередная рокировка, и тогда – я так думаю – финансовые потоки на исследования за рубежом будут возобновлены.

– Плохо... Насколько всё сожмётся, в итоге?

– Да не особо сильно, просто несколько проектов придётся заморозить, а с полдюжины центров на длинных проектах перевести в другие лаборатории, ничего критичного.

– И я так понимаю, что вы не просто пришли поделиться новостью, Джон?

– Совершенно верно ты понимаешь, Юджин. Ты должен

быть через три дня на собрании. Бери билеты сегодня же и вылетай первым рейсом.

– Хорошо, Джон. Я отпишусь по времени прилета, а там решим.

– Да, и вот ещё: пока никому из персонала на месте не говори ничего. Всё, хорошего полета.

Левинсон тихо выругался. В родных США между двумя главными правящими партиями уже много лет существовал негласный договор: сначала одни сидят четыре года, затем другие, и так по очереди. Таким образом, удавалось сохранять относительно ровные отношения между простым населением и показывать людям возможность честного демократического выбора. Однако главной особенностью республиканцев, удивительно мешавшей самому Левинсону в процессе его долгой трудовой карьеры, являлось абсолютное нежелание вкладывать деньги налогоплательщиков в проекты за рубежом. Республиканская партия, в основном, ориентировалась на внутреннюю политику и постоянно норовила сократить расходы на внешнюю. Так происходило много лет подряд, и итог всегда был один: четыре года биоразработки жили под щедрым крылом демократов, больших любителей устраивать конфликты, войны и разного рода проблемы странам на другом конце света. А затем ещё четыре года приходилось затягивать пояса, с разной степенью интенсивности, когда республиканская партия деньги американцев пыталась вкладывать в самих американцев. А учитывая,

что Левинсон напрямую зависел, как управляющий проектами и лабораториями, от инвестиций Конгресса в DTRA, его подобный расклад, конечно же, не радовал. Приходилось постоянно бодаться с внутренним противником и нередко радикально менять планы.

Юджин выкупил билет до Нью-Йорка с пересадкой во Франкфурте. Прямых на завтра, увы, не нашлось. А из Нью-Йорка час на небольшом самолете на внутреннем рейсе, и он будет в Вашингтоне. До Лэнгли уже рукой подать. Впишется по времени.

Перед вылетом нужно было собрать вещи и отдохнуть, поэтому Левинсон вышел из лаборатории за два часа до окончания рабочего дня. Замер температуры показал 37,1. Не страшно, это реакция на укусы и последующие уколы. Да и вообще, такая температура часто бывает у возрастных людей в конце рабочего дня. Тревогу бить точно не стоит.

24 апреля. Киев. Аэропорт Борисполь. Юджин Левинсон.

Самолет был готов к взлёту. Вылетать предполагалось ночным рейсом, и Левинсон, как ни пытался поспать под вечер, ему это не удалось – начали мучить головные боли, температура поднялась уже до 37,5. Пить воду не хотелось совершенно, даже руки мыть или в душе мыться было крайне неприятно. Юджин принял амоксилав в таблетках, а также

ибупрофен, и примерно через полчаса почувствовал себя лучше, а головную боль начало отпускать. Учёный не сильно переживал по поводу своего состояния. Чего он только не успел за время своей практики нахватать, да и сегодняшний инцидент, пусть и не особо приятен, но до критических последствий точно не доведёт.

В самолете рядом с Юджином сел смуглый мужчина, очень дорого одетый, и всем своим внешним видом напоминающий серьезного бизнесмена или топ-менеджера крупной и богатой компании. Мужчина вежливо поздоровался, Левинсон устало кивнул в ответ. Общаться не особо хотелось, но и сон не шел. Радовало, что в салоне темно. Свет ещё с вечера слепил и очень раздражал.

Через некоторое время попутчику надоело просто так сидеть, хотелось себя чем-нибудь занять, и он обратился к Юджину:

– Вы ведь не местный, я сразу заметил. В Европу летите?

– Через Европу, скажем так. Во Франкфурте пересадка и дальше, домой.

– А куда дальше, если не секрет? – спросил новый знакомый, пытаясь вывести собеседника на разговор.

– В Нью-Йорк, – коротко ответил Левинсон. Сначала хотелось от попутчика отмахнуться, но чем-то этот жизнерадостный мужчина за сорок, своим внешним видом напоминающий испанца или итальянца, его заинтересовал.

– А-а, Нью-Йорк! Я так и знал, вы американец, – обрадо-

вался собеседник, – В Киев обычно американцы прилетают по двум причинам: либо по бизнесу, либо по военным вопросам. Какая сейчас идет кампания против русских – вы сами догадываетесь. Но на военного, пусть даже консультанта, вы не похожи, поэтому предположу, что занимаетесь бизнесом.

– Вы очень проницательны... – Левинсон посмотрел на собеседника.

– Да, меня зовут Кристиан Перез, я из Аргентины, – представился общительный знакомый и протянул визитку, на которой было написано, помимо имени и контактов, что Кристиан является ведущим проектным менеджером в компании AR-Fertilizantes.

– Аргентинские удобрения? – Догадался Юджин.

– Они самые! Вы в этом рынке работаете?

– Нет, сэр, работаю я в совершенно другом рынке, но слово созвучное английскому, да и AR – альфа-код Аргентины, это было несложно, – Левинсон протянул своему новому знакомому визитку, на которой было написано: «Юджин Левинсон, коммерческий директор», а в левом верхнем углу был изображен логотип Vertex Pharmaceuticals. Конечно же, ни в каком Vertex он не работал и даже понятия не имел, где находится офис компании, но тем, кому предназначалась эта визитка, об этом было знать необязательно.

– Фармацевтика? Очень интересно. Крайне перспективное направление. И в мире вообще, и в Восточной Европе в частности. В Украине, России, и ряде других стран фарм-

рынок каждый год растёт чуть ли не на четверть. Правильную профессию вы себе выбрали, дорогой Юджин, вне всяких сомнений. А чем вы конкретно занимаетесь?

– Я вывожу на рынок в Восточной Европе биологически активные добавки к пище. Витамины, гиалурон, и всё такое. Не особо интересно, поверьте. Так что в детали вдаваться не буду, с вашего позволения, – ответил Левинсон и махнул рукой, всем своим видом показывая пренебрежение к теме, чтобы собеседник не начал спрашивать о тех вещах, которые Юджин не знал.

– Ну, я так спросил, просто понимать, с чем вы работаете. Кто знает, чем мы могли бы быть друг другу полезны в перспективе...

«Ну, всё ясно», – раскусил общительного собеседника Левинсон, – «очевидно, очередной коллекционер контактов, думающий, где бы состыковать пару человек за комиссию или с кем бы по-быстрому проверить небольшое дельце». В целом, Юджин достаточно позитивно относился к подобного рода персонажам: коммуникабельные, хитрые, голова работает, поставленных задач добиваются всегда и везде. Интересная личность. Больше всего он не любил серую посредственность – тех, кто не вникает в глубины вопросов, которыми занимается, судит о вещах, в которых не понимает, выносит своё ценное личное мнение, и при этом не слушает контраргументы. Проще говоря, подавляющую часть обывателей. Сам обладая незаурядными интеллектуальными спо-

способностями и талантами, Юджин глубоко ценил специалистов или таких же талантливых людей как и он сам, чем бы они ни занимались, и старался не общаться с теми, кто не мог ему что-то дать в части опыта и знаний. А что до господина Переза – Левинсон был уверен на девяносто процентов, что Кристиан как минимум хороший специалист в своём деле, и уж точно на все сто – что тот ещё аферист и пройдоха. И эти качества почему-то очень импонировали.

– Кто знает, может быть всякое. Тем более, из того что я увидел в вашей визитке, ясно что вы в достаточно близком секторе, хоть и не очень. А что привело вас в такие дали? Всё-таки, где Киев, а где Аргентина... Вы откуда, кстати?

– Ломас-де-Самора, – гордо ответил аргентинец.

– А, Буэнос-Айрес, – вяло улыбнулся Юджин, – и что вы здесь делаете?

– Я решал вопросы поставок азотных удобрений из Украины ко мне на Родину. Сейчас сложная политическая ситуация, и нужно быть готовым... ну вы знаете... да и очередь стоит. Самые крупные в мире производители удобрений – это как раз Китай и Россия, и нам, специалистам агросектора, так или иначе приходится ездить и договариваться.

– А почему именно в Киев, а не в Москву или Пекин, например?

– Ну вы знаете... – осторожно ответил Перез, – Аргентина очень зависима от США, и мы бы не хотели обострять наши отношения из-за сделок с Россией и Китаем, потому как

могут быть проблемы. При этом люди должны что-то есть, а без удобрений получить хороший урожай даже в нашем климате – та ещё задача. Фермерам обязательно нужно иметь определённые запасы под рукой, и при этом не очень дорогие, потому как иначе стоимость продовольствия вырастет. Ну и мне приходится решать вопросы поставок, по вменяемым ценам...

– А-а, – закивал Левинсон, – Вы здесь используете фирму-прокладку, которая закупает удобрения в России, тащит товарными составами на Украину и – дайте догадаюсь – перепродаёт от своего лица как производитель, с отгрузкой из порта Одессы?

– Ну... почти... Вы очень догадливы, что есть то есть.

– И вы думаете, никто ничего не знает и не понимает?

– Конечно все всё знают. Кто надо знает. Ну а что, разве Швейцария в свое время не на этом же поднялась, когда воюющим странам нужно было как-то торговать друг с другом, не раздражая общественность? Что в Первую, что во Вторую Мировую войну. То же самое ведь, не так ли? Мир из-за глобализации очень сильно переплетён между собой. Конфликт в одной точке может привести к абсолютно непредсказуемым последствиям на обратной стороне глобуса.

– Ну да, разумно, – согласился Юджин. – Если не возражаете, Кристиан, я пройду...

Левинсон встал со своего места, чувствуя, что его опять сильно мутит и срочно нужно в туалет. Самочувствие ухуд-

шалось, причем довольно быстро. И решительно непонятно было, что нужно делать – пить антибиотики, или что-то иное... да и таблеток с собой было два блистера всего, аптечку учёный по понятным причинам с собой постоянно не таскал.

В туалете он провёл почти полчаса – сел, прислонился головой к холодной стенке, закрыл глаза, борясь с тошнотой. Юджин был раздосадован тем, что обстоятельства сложились так неудачно: сначала этот укус, потом срочный отзыв в США, притом времени не дали вообще. Воистину, закон Мёрфи работает: если что-то может пойти не так – оно обязательно пойдёт не так, в этом учёный успел убедиться уже неоднократно. Более того, Юджин уже практически был уверен, что до Нью-Йорка он в таком состоянии просто не дотянет. Придется выходить во Франкфурте, сдавать билет и искать медицинскую помощь. Хорошо, если отпустит быстро, и удастся следующим рейсом добраться до Нью-Йорка. Однако был риск не успеть на собрание, и тогда вообще вся идея с перелётом множилась на ноль. Поэтому Левинсон отправил Оливии смс-сообщение, что болен и вероятнее всего этим рейсом в Нью-Йорк не попадёт, и попросил пока отчёт напрямую не слать, так как требовались некие пояснения вышестоящему руководству. Как дойдёт – так дойдёт, неважно. Скорее всего, она увидит смс когда самолет будет уже во Франкфурте.

Озноба не было. Или Левинсон его не чувствовал. По

крайней мере, в этом плане состояние улучшилось по сравнению с тем, что было хотя бы даже два часа назад. Он умылся холодной водой, немного пришел в себя, мутить стало меньше, голова также постепенно переставала кружиться. Выйдя из туалета, Юджин подошел к стюардессе и попросил стаканчик воды. Пить не хотелось совершенно, даже рот и горло высохли, однако он понимал, что в его состоянии как раз необходимо, пусть даже через силу, обильное питье.

Получил воду, отхлебнул половину, и пошёл на свое место. Протиснулся к сиденью возле окна, сел, прислонился к стеклу и задремал. Сны снились сюрреалистичные и бредовые, и даже тогда у спящего человека было ощущение, что что-то в организме происходит не так. Очнулся Юджин от тряски за плечо. Над ним склонились стюардесса и обеспокоенный Кристиан.

– Господи, Юджин, мы уж подумали, что с Вами всё совсем плохо, – сказал Перез, – не могли Вас разбудить минут пять, наверное.

– Что случилось? – Левинсон осоловело покачал головой, понимая, что головокружение опять его настигает.

– Самолет идет на снижение. Пристегнитесь и готовьтесь к посадке, – вежливо попросила стюардесса, указав на ремень.

– Хорошо... я только сейчас... одну минуту. Мне опять нужно в туалет, – Юджин попробовал встать и тут же рухнул на пол между рядами. Кто-то из пассажиров позади вскрикнул, люди забеспокоились, половина салона начала выгляды-

вать со своих мест в проход. Стюардесса позвала коллегу, мужчину-стюарда, они подняли Левинсона и усадили его назад в кресло. Юджин на миг потерял сознание, и приходиться в себя стал только когда оказался в кресле. Стюард светил ему в глаза тонким фонариком, придерживая рукой за правое плечо. Левинсон, не понимая, что он делает в этот момент, укусил стюарда за руку. Укусил больно, до крови. Осознание пришло спустя секунду, но в голове все смешалось и гудело, и Юджин тотчас же забыл об этом. Стюард одёрнул руку, шумно вдохнув в себя воздух, и отошёл на полшага назад.

– Лэся, он меня укусил! – Обратился пострадавший к коллеге, – на сумасшедшего вроде не похож, на пьяного тоже... больной, что ли?

– Что с вами? Вам плохо? – спросила стюардесса.

– Я... приболел, сейчас буду в порядке, – Юджин тяжело дышал и пытался прийти в чувство.

Кристиан протянул ему стакан воды.

– Вот, выпейте, обычно помогает.

Левинсон отхлебнул немного и вернул стаканчик. Его попутчик тоже был изрядно взволнован. Кристиан тоже выпил воды из стаканчика Юджина и отдал пустую тару стюардессе. Он ещё не знал, что в воде была заражённая вирусом слюна Левинсона, и что учёный был инфицирован глубоко мутировавшим и крайне вирулентным штаммом с очень коротким стационарным периодом, изучить который и принять

соответствующие меры пока не представлялось возможным – прошло слишком мало времени.

Левинсон потерял сознание во Франкфурте, когда самолет катился по рулѐжной дорожке. Бортовая команда заранее вызвала медиков, и врачи с больничной каталкой уже ждали на выходе из рукава. Учёного срочно отвезли в больницу, а в пути Юджин пришѐл в себя, у него случилась вспышка неконтролируемой агрессии, и он перекусал двоих медиков из реанимационной бригады. В больнице он также попытался укусить несколько человек из медперсонала, однако его быстро спеленали. В процессе борьбы, однако, его слюна попала в рот одному из санитаров и в глаза медсестре. Таким образом, Левинсон успел заразить четверых медиков, которые чуть позже заразят членов своих семей, и так по цепочке вспышка эпидемии начнѐт распространяться по Германии. В немецкой клинике, уже через час после поступления пациента, медики официально констатировали его смерть – остановилось сердце и умер мозг. Тело учёного было отправлено в морг.

Тем временем, укушенный стюард «Украинских авиалиний» после Франкфурта отправился тем же самолетом в Лондон, спустя полтора часа.

В это время Кристиан Перез летел в Нью-Йорк на пересадку. По прилѐту ему стало хуже, картина повторилась уже перед посадкой, он успел точно так же как и его попутчик укусить стюардессу и одного из пассажиров в процессе ока-

зания медицинской помощи, а затем – несколько человек в Нью-Йоркском аэропорту. Кристиана также отвезли в больницу.

Укушенный Перезом пассажир после оказания медицинской помощи сделал пересадку и следующим рейсом вылетел в Тихуану, а экипаж, в составе которого была уже заражённая стюардесса, после отдыха повёл самолёт в Каракас...

24 апреля. Франкфурт. Больница «Нордвест». Раннее утро.

В морге третьего корпуса больницы «Нордвест» дежурили два патологоанатома в ночную смену. «Нордвест» был самой большой клиникой во Франкфурте, принимавшей свыше двадцати тысяч пациентов в год, и чаще всего всех пострадавших на транспорте или в окрестностях города, включая аэропорт, свозили сюда. Всего в больнице было одиннадцать корпусов и четыре научных института, и моргов было также несколько – все они располагались под землей, на минус втором этаже огромной подземной системы переходов и технических помещений, разбросанных на территории всего комплекса.

На смене, помимо двоих патанатомов, присутствовали охранник – немолодой мужчина-немец, в прошлом году потерявший работу на стройке из-за тяжелого перелома ноги и ныне досиживавший свой предпенсионный год возле входа

со стороны улицы ради стажа и отчислений, а также санитар на приёмке, в том числе ведущий картотечный учёт поступлений.

Из реанимации привезли пациента – опрятного мужчину около пятидесяти лет на вид, который час назад скончался по непонятным причинам, и санитар, проведя опись документов, имущества и внося все необходимые записи в реестровую книгу, принял больничную каталку из рук медсестры и повёз тело в зал, где проводились препарирования трупов.

– Встречайте, господа. У нас новый посетитель, – бодро отрапортовал санитар, прокатив каталку через дверной проем, закрытый полосами резины, свисавшими сверху вниз от потолка до пола.

– Михаэль, ты у меня ассоциируешься с неприятными сюрпризами уже. Только я собрался поесть и отдохнуть в конце смены, как ты мне пассажира тащишь, – недовольно пробурчал патологоанатом, весьма странного вида мужчина лет тридцати пяти, сухой, высокий и в очках. Мужчина отложил двойной бутерброд на металлический поднос для инструментов и поставил рядом железную кружку с кофе. Любому неподготовленному человеку зрелище трапезы в подобном месте показалось бы отвратительным, но патологоанатомы – народ своеобразный, циничный, и ко всему привыкший. Поесть в двух метрах от лежащего исполосованного скальпелем тела или просто среди трупной вони было делом привычным и обыденным, и никто из местного персо-

нала никаких сантиментов по этому поводу не испытывал.

– Ну извини, Ульрих, потом поешь. На, принимай, – санитар подкатил тележку к столу, в четыре руки перегрузили тело, после чего Михаэль удалился чтобы вернуть каталку сестре, ожидавшей возле лифта.

Ульрих занимался подготовкой к описи. Первичный результат пришёл из реанимационного отделения на компьютер достаточно быстро – смерть некоего Юджина Левинсона, гражданина США, наступила, по предварительным причинам, от сердечной недостаточности. Учитывая, что человек умер не из-за криминальных обстоятельств, не насильственно, судебно-медицинский эксперт не требовался, и можно было приступать к работе. Оставалось дополнить описанием историю болезни и начать процедуру сохранения тела, внося необходимые наблюдения по мере работы. Патологоанатомам в морге клиники «Нордвест» в ночные смены выдавали диктофоны, на которые сначала надиктовывались наблюдения, по причине отсутствия ассистентов в это время суток, а затем, после окончания процедуры и перед уборкой тела в холодильник, данные с диктофона переписывались вручную на компьютере в историю болезни и бланк заключения.

Вскрывать поступившего пациента пока не планировалось. Гражданин иностранного государства либо должен был отправиться на Родину, а для этого тело необходимо было подготовить к перевозке, либо получить принципиальное письменное разрешение от ближайших родственников. А его

пока не было, т.к. специальные службы в данный момент устанавливали контакты супруги.

Тем временем, санитар Михаэль игнорировал уже седьмой по счету звонок на телефон умершего, лежавший в ячейке специального пронумерованного шкафчика с личными вещами пациентов. Ему совершенно неинтересно было разговаривать с родственниками или отвечать на вопросы незнакомых людей. Однако когда телефон зазвонил в восьмой раз, стало окончательно ясно, что кто-то очень настойчивый звонит по срочному вопросу и точно не отстанет. Михаэль выругался, со вздохом встал со стула, отложив в сторону мобильный с включённой аркадной игрой, и открыл шкафчик. Трубку взять не успел, однако увидел на экране восемь пропущенных звонков от некой Оливии Тэйлор. «Да что тебе нужно, неугомонная? Жена, что ли?» – только подумал Михаэль, и мобильный телефон вновь ожил в руках. Оливия звонила в девятый раз.

– Алло?

– Юджин, я до Вас дозвониться не могу! Я получила Ваше сообщение, с вами все нормально?

– Мадам, я не Юджин. Меня зовут Михаэль Бок, я медицинский работник клиники «Нордвест» города Франкфурт, Германия. Вы его жена?

– Нет, не жена. Я его коллега по научной работе. Скажите, с ним всё в порядке? – Голос у женщины был крайне взволнованным.

– Сожалею, но господин Левинсон скончался в реанимации нашей клиники. Его привезли сюда в состоянии нервного расстройства, и врачи предполагают, что на фоне перевозбуждения случился инфаркт. Это то, что мне сообщили.

Оливия выругалась, шумно выдохнула и замолчала. Молчала долго.

– Вы меня слышите, мадам? Вы будете забирать тело?

– Да, я вас слышу. Не вешайте трубку. Тело будет забирать жена, её номер либо я Вам продиктую, либо в телефоне посмотрите, если нет пин-кода. Я вам свой тогда тоже продиктую. Запишите.

– Записываю.

Оливия продиктовала свой номер телефона, а также номер телефона жены своего руководителя и старого коллеги. Потом попросила подождать минуту на линии. Левинсон был старым другом, очень помогал ей по работе, и такая утрата была не только тяжелой для самой Оливии, но и для её подразделения и науки в целом. Однако Оливия была женщиной умной и выдавшей виды, поэтому раскисать и заламывать руки в слезах и причитаниях не стала, потому как дело было крайне важным и в голову стали приходить очень и очень дурные и мрачные мысли относительно ситуации вообще. Пока она лихорадочно соображала, что делать, Михаэль терпеливо ждал на линии. Он никуда не спешил, да и был достаточно воспитанным человеком, чтобы в такую минуту уделить внимание собеседнице по столь важному по-

воду, как смерть знакомого человека.

– Вы меня слушаете? – спросила, наконец, Оливия.

– Да, мадам, слушаю вас.

– Тогда слушайте внимательно: я – учёный-вирусолог. Господин Левинсон был им тоже. И я предполагаю, что причиной его смерти стал не сердечный приступ. Сейчас, – тон стал железным и холодным, будто судья читал приговор подсудимому о повешении, – вы должны... подчеркиваю – должны сообщить мне всё, что вам известно. Когда привезли, что говорят, что видели, что слышали. Чтобы вы понимали: это дело государственной важности.

Михаэль сначала испугался – не ввязался ли он в какое-то серое дельце с бандитами или спецслужбами – причем непонятно было, что хуже. А через мгновение, ухватившись за слово «вирусолог», стал максимально собран и ответственен.

– Мадам, кто его доставлял – я не знаю. Его привезли из аэропорта еще ночью, ближе к утру. Сказали, что поступил с непонятной проблемой, похожей на сердечный приступ на фоне нервного перевозбуждения. Сначала привезли в полубморочном состоянии, очень бледного. Затем он очнулся, начал что-то кричать, вести себя очень буйно, пытался бросаться на медсестёр, его скрутили, он резко обмяк, подумали что опять сердце схватило, повезли его срочно в реанимацию, но даже не успели довезти – считай, только доставили, он и умер. Анализы пока не пришли, вскрытие не делалось – так как по законам Германии, для этого требуется разреше-

ние родственников. Это пока все что я знаю.

– Сейчас он у Вас в морге?

– Совершенно верно. Даже более того, я сам являюсь санитаром морга, тело передали буквально час назад.

– Господин Бок, напрягите память, что ещё слышали? Какие детали?

Михаэль вспомнил, что ему сказала медсестра возле лифта:

– Да, есть детали. Он пробовал кусаться. И как говорят реаниматологи, которые его привезли, в машине он укусил двоих медиков, и еще кого-то то ли в аэропорту, то ли в самолёте, которым прилетел.

Оливия молчала.

– Вы расстроены, мадам?

– Расстроена? Нет, это не то слово. Я в ужасе. То, что происходит на наших с вами глазах, может в конечном счёте привести к абсолютно непредвиденным последствиям. Теперь слушайте меня максимально внимательно.

– Да, мадам, слушаю и готов записывать. Что стряслось? – Михаэль по тону собеседницы понял, что дело очень серьёзное, и, видимо, простирается несколько дальше смерти отдельно взятого гражданина.

– Я сейчас Вам расскажу картину в целом, и мне потребуется Ваша помощь. Речь идет о глобальном распространении смертельно опасного вируса, высоковирулентного и с крайне коротким стационарным периодом. У Вас есть кон-

такты местного министерства чрезвычайных ситуаций, полиции, министерства обороны, правительства?

– Контактów у меня, конечно же, нет. Но я найду через интернет, с кем связаться.

– Очень хорошо. Персонал клиники также предупредите через главного врача. Боюсь, не пройдёт и нескольких часов, как всем Вашим сотрудникам придётся в это дело включаться. Нужно быть наготове прямо сейчас, и предупреждёнными.

– Продолжайте, я готов обзвонить всех кого вы скажете.

– Отлично. Пожалуйста, не контактируйте с телом и старайтесь никого в морг не пускать раньше времени. Сделайте что угодно, придумайте что-то...

– Может, следует связаться с санитарно-эпидемиологической службой города?

– Да, несомненно, но в первую очередь с правительством, полицией, спасателями и военными. Сейчас речь идёт об изоляции населения на карантин.

– Принято. Что мне сказать?

– Скажите... чёрт, это мне будет стоить как минимум работы и карьеры... а как максимум – длительного тюремного срока. Но если я не скажу... – казалось, Оливия Тэйлор рассуждала вслух, пытаясь просчитать возможные последствия на ходу, – ...если я не скажу, последствия могут быть самыми катастрофическими. В общем, так, – собралась она с мыслями, – господин Юджин Левинсон, я и ещё ряд моих коллег

работали на Украине над изучением вируса бешенства... мы проводили ряд экспериментов, пытаясь найти универсальное лекарство от болезни, – соврала она, – и в итоге из-за глупого недоразумения Левинсон был инфицирован прямо в лаборатории. Мы не успели до конца изучить воздействие вируса на подопытных животных – в данном случае речь идет о лабораторных крысах – и обрабатывали несколько тестовых групп на те или иные препараты, возбудители и тому подобное. Проведя ряд исследований и экспериментов, мы получили очень опасный штамм бешенства, высокорезистентный к медицинским препаратам, включая антибиотики и антирабики.

– Мадам, я предполагаю, что несколько человек уже заражены. Тело мы не трогали, однако когда Левинсон был жив, он покусал людей до крови. Не думаю, что они за эти несколько часов успели сделать прививку, да ещё и посреди ночи.

– Прививки – те, которые укушенные могут сделать, чисто теоретически – не работают. Более того, мы даже не знаем пока, что конкретно работает. Провести эксперименты на крысах по медикаментозному лечению мы не успели, впрочем, и по химическому воздействию на заражённых тоже.

– Так, я тогда могу попробовать сейчас отозвать инфицированных в больницу и мы положим их на карантин по приказу руководства министерства здравоохранения, это вопрос решаемый, я тогда свяжусь с главврачом нашей больницы –

это если говорить о персонале нашего учреждения, конечно. Если ещё кто-то в аэропорту был инфицирован – а говорят, что так оно и было, то придётся подключать полицию и спецслужбы. Если вы нигде не ошиблись в том, что говорите, то предполагаю, что они умрут?

– К сожалению, да. И я не ошиблась. Я понимаю ваше недоверие, мы с вами даже не знакомы, и у вас есть все основания сомневаться в моей компетентности и даже психическом здоровье – но поверьте, с головой у меня всё в порядке. У Юджина должен был быть с собой ноутбук. Вам привозили?

– Нет, откуда? Его привезли налегке, из электроники только телефон.

– Значит, когда мы с вами закончим, позвоните в аэропорт – видимо, ноутбук сдан в багаж, и чемодан должен уже быть на складе хранения невостребованных вещей. Уточните в аэропорту, как можно забрать груз, и на месте ли он. А потом передайте информацию спецслужбам.

– Что я им скажу?

Оливия замолчала. Она колебалась. Данные на ноутбуке станут подтверждением её слов и могут дать специальным службам Германии – а, соответственно, и Евросоюзу – понимание, с чем они имеют дело. С другой стороны, в руки европейцам попадет информация о проводимых американцами исследованиях в Восточной Европе, и это будет пахнуть очень серьёзным международным скандалом. В то же время

Оливия понимала, что сейчас она как никто другой владеет информацией о том, с чем в считанные часы придется столкнуться человечеству, и грандиозный скандал даже в Совбезе ООН будет цветочками по сравнению с надвигающейся проблемой, которую пока есть возможность, пусть и небольшая, если и не решить то хотя бы локализовать. Механизмы отработаны, если действовать быстро. В противном случае, если тянуть время – то рост заболеваемости пойдёт в геометрической прогрессии. Сама передать данные Оливия не могла, потому как сеть компьютеров в лаборатории не имела доступа в интернет во избежание утечки данных. Только у одного человека – руководителя проекта – был доступ к передаче данных по защищенному каналу, но сейчас он лежит на столе в морге, и вряд ли сможет что-то сделать. Ноутбук, правда, тоже был защищён паролями, поэтому на взлом потребуется какое-то время. Но это в плохом случае, если службы Германии будут колебаться в части принятия решений по полученным и непроверенным данным, а не начнут действовать сразу. Здесь всё очень зависит от поворотливости системы быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации.

Через минуту Оливия решилась:

– Скажете всё то, что скажу вам я. И что на ноутбуке есть крайне важная информация о ходе исследования нового вируса. Он защищен паролем, но разберутся. Дайте им мой телефон, пусть звонят и делают это быстро. У меня есть та-

кое ощущение, что скоро мне обрубят канал связи. Наши переговоры записываются, все сотрудники исследовательского центра имеют служебные сим-карты и находятся под контролем Центра. Когда ответственные лица доберутся до прослушивания звонков – я не знаю, но делают они это регулярно. К счастью, у нас есть фора, так как в США сейчас ночь, и возможно координационный центр даст нам несколько часов времени, потому что в ночную смену там работает малое количество сотрудников. Поэтому постарайтесь тоже сильно не затягивать, я смогу хоть какие-то комментарии дать в случае необходимости. Начните с вашего правительства. В США я позвоню сама и сообщу про текущую ситуацию.

– Я вас понял, – Михаэль почему-то верил в то, что слышит. На интуитивном уровне и по манере подачи информации он явно осознавал, что ситуация серьёзная, а его собеседник не страдает шизофренией или ещё какими-то «весёлыми» заболеваниями. – Опишите, что по действию вируса, и что нужно делать дальше.

– Расскажите им, помимо того, что я уже вам сказала, вот что: вирус очень быстро поражает центральную нервную систему и захватывает мозг, и он в терминальной стадии болезни практически перестает что-либо соображать... или вовсе перестает. Крысы перед тем, как мы фиксировали их биологическую смерть, начинали себя вести неадекватно и очень буйно, бросаться друг на друга, кусаться. И судя по тому, что вы описали относительно Левинсона, он вёл себя примерно

так же как наши объекты, что для человека нетипично, в целом.

– Да, но пока то, что вы описываете – на сто процентов повторяет симптоматику обычного бешенства. Если вирус высоковирулентный и у него короткий период развития – это очень плохо, то что он резистентен к медпрепаратам – это ещё хуже. Но пока это тянет на карантин, не более того...

– Слушайте дальше, сейчас вы всё поймете. Я бы сказала «опасность» – но это не то слово, как охарактеризовать последствия правильно – я не знаю. Но в общем суть в том, что крысы, после того как была зафиксирована их биологическая смерть... спустя некоторое время ожили. Они начали с ещё большим остервенением бросаться друг на друга, и при этом проявляли большую агрессию к тем подопытным, что ещё не были инфицированы, и при этом почти не нападали на заражённых. Зафиксированы случаи каннибализма. При этом, что важно отметить, заражённые не чувствовали боли и усталости, а также напрочь игнорировали физические повреждения. Вечером мы специально отрезали одной такой крысе ноги, причем не просто по суставам, а с половиной таза. Вы понимаете, что в любом случае это мучительная и гарантированная смерть? А этой было абсолютно всё равно – подопытный объект был жив, активен, кровь очень быстро свернулась, и что самое главное – крыса, даже волоча по полу ковчеха кишками, продолжала бегать и напала на ещё одну незаражённую крысу, которую мы поместили в ковчег для

эксперимента. Почему критические повреждения не вызвали быстрой смерти – я не знаю, этот вопрос нужно еще изучить, а у нас не было на это времени. Но то, что они не чувствуют боли и что кровь очень быстро сворачивается – это зафиксированный факт. Относительно работы кровеносной системы вообще, и может ли заражённый умереть от потери такого же количества крови, как и незаражённый организм, нам также предстоит выяснить. Если я успею это узнать, я сообщу Вам отдельно. Хочу лишь заметить, что новый штамм вируса вызывает какие-то быстротечные мутации, природа которых пока непонятна...

– Извините, что перебиваю, но то, что вы говорите, мне кажется чем-то фантастичным, вы уж извините. Я сам, не смотрите что простой санитар в морге, учусь на медицинском, на пятом курсе, и уже скоро его закончу. Да, может не такой богатый опыт как у вас, но явные вещи понимаю, и всё то, что вы мне говорите, противоречит не только биологии и анатомии, но и здравому смыслу.

Михаэль был терзаем двумя противоречиями: с одной стороны, взрослый человек, звонящий из другой страны на телефон умершего (который, к тому же, ещё несколько человек перекусал), вряд ли бы стал шутить так по-идиотски. Да и по тону собеседницы было понятно, что она крайне взволнована, но тут в дело вступала банальная логика, будто кричавшая, что всё сказанное – какая-то ерунда. То, что вирус бешенства мог покинуть исследовательский центр – вполне

реально, таких ситуаций был уже не один десяток за последние пятьдесят лет. То на себе вынесут, то авария какая произойдёт, то ещё что-то случится. Здесь как раз сомнений никаких не было. Но то, что подопытные крысы умирали, а затем приходили в себя и не обращали внимания на тяжёлые физические повреждения – казалось чем-то невозможным.

– Поймите, я бы не стала придумывать подобное. Хотите, я продиктую вам свои данные? Имя, номер документа, номер водительских прав, если желаете. Что угодно! Проверьте. Я рискую поболее вашего. Пожалуйста, выслушайте меня и поверьте! – Взмолилась Тэйлор.

– Продолжайте, что ещё. Договорите до конца, там решим. И ещё, если это глупый розыгрыш, то имейте в виду – вы можете меня очень сильно подставить, особенно ввиду того, что мне придется звонить в государственные структуры. Вы понимаете, какую ответственность вы несете?

– Я прекрасно понимаю. Но сейчас есть шансы среагировать быстро. Потом их просто не будет. Это вопрос нескольких дней, пока мы не пересекли определенную точку.

– Хорошо. Тогда продолжайте.

– Спасибо, Михаэль. В общем, слушайте дальше: у вас на столе для вскрытия сейчас лежит нулевой пациент – человек. Как будет вирус развиваться именно в теле человека, сказать сложно, потому как провести наблюдения мы возможности не имели. Однако если говорить про крыс, то осмелюсь предположить следующее: с момента заражения и до момен-

та физической смерти в её... традиционном понимании, скажем так – проходит некоторое время, измеряемое часами. Однако когда заражённая крыса передаёт вирус через слюну или укус другой крысе – то вирус начинает работать быстрее. Я пока не берусь объяснять причину, предполагая разное, но если, не дай Бог, по такой же схеме вирус будет работать у людей, то дела совсем плохи. Чтобы Вы понимали – с момента заражения и до момента смерти Юджина Левинсона прошло часов четырнадцать, может пятнадцать, не более. Это запредельно высокая скорость от заражения до летального исхода. Можно сказать, что человек умирает практически на глазах. Вы понимаете масштаб проблемы, если это будет повальным? Заражённый человек даже толком не успеет получить медицинскую помощь, прежде чем умрёт. Но это ещё не всё. Как и в случае с крысами, я предположу, что в случае заражения одним человеком другого через укусы – а ранее мы тестировали заражение пробирочное – у последующих пациентов болезнь будет протекать ещё быстрее. Пока трудно прогнозировать, насколько. Счёт также пойдёт на часы, но это будет однозначно быстрее. Я не в том плане, что быстрее у каждого последующего, нет. Я в том смысле, что нулевой пациент умер за примерно четырнадцать-пятнадцать часов – но те, кого он заразил, и те, кого заразят дальше – могут умереть гораздо быстрее. Семь, десять, двенадцать – не знаю, скорее это зависит от физиологии каждого конкретного человека, его иммунитета и ряда факторов. Но то, что быстрее

– это наверняка.

– Какова летальность данного вируса?

– По крысам – сто процентов, даже при усиленном медикаментозном лечении. По людям... один заражённый уже умер. Вы это видели. Причём еще вчера после укуса прошёл очень небольшой промежуток времени, и Юджин пошел к врачу, где ему сделали укол антирабиком и антибиотиком, обработали рану, и чуть позднее сделали укол иммуномодулятора. И как видите, его не спасло. Да, безусловно, он входил в достаточно возрастную группу – все же шёл седьмой десяток, но даже если более молодой возраст даст отсрочку – это будет не принципиально, и скорее всего начнёт также измеряться часами.

– Хорошо, а тогда что по последующим реакциям? Меня сейчас даже не сам вирус интересует, а ваши слова относительно того, что происходит после констатации физической смерти пациента. – У Михаэля не выходил из головы образ крысы с отрезанной задней частью туловища.

– А вот здесь... самое странное. Я пока не уверена, что это вообще возможно с людьми, и я думаю, что мы, всего вероятнее, видели... клиническую смерть, давайте назовём это так, но пока неясно, почему крыса сама очнулась, как будто в реанимации ей дали разряд дефибрилятора, хотя мы её даже пальцем не трогали. И более того, она продолжила жизнедеятельность с практически полностью отключённым мозгом. По крайней мере, было совершенно не похоже, что в голо-

ве происходят хоть какие-то мыслительные процессы. Движения хаотичны и несистемны, поведение не попадает под определение «осознанное», пусть даже для грызуна. Крыса – создание неглупое, а здесь...

– Мышей вы не использовали?

– Нет, мы только крыс брали для экспериментов, потому как именно они являются переносчиками инфекционных заболеваний в городах и вне их, да и потом – организм и покрупнее и покрепче, так эксперимент чище проходит.

– Но то, что вы говорите – чем-то похоже на... зомби?

– Не совсем... хотя и похоже, – Оливия на миг задумалась, – хотя в целом вы правы. Тут вопрос – почему перезапускается система жизнедеятельности после остановки. И да, мозг работает на поддержание инстинктов. В этом смысле, наверное, да. Похоже. Болевой порог снижен, агрессия... я бы не стала называть это ожившим трупом, это скорее заражённый бешенством объект, переживший клиническую смерть.

– Да, но если вы говорите, что они не чувствуют физических повреждений...

– Та крыса, которой мы отрезали заднюю часть тела с частью тазовой кости, в итоге издохла, но прошел не один час. Т.е. критические повреждения тела их всё же убивают, фантастики здесь никакой нет. Другое дело, что живучесть повышается в разы. Это, конечно, вопрос дальнейших исследований, но также осмелюсь предположить, что в теле после

наступления временного состояния... смерти, резко замедляются метаболические процессы, но это, повторяюсь, только предположение. При этом пока непонятным в силу неизученности остаётся тот факт, что интенсивность гемокоагуляции вырастает, кровь сворачивается очень быстро. Возможно, скорость сосудисто-тромбоцитарного гемостаза вырастает из-за невероятно высокого количества тромбоцитов в крови, которые очень активно вырабатываются в процессе протекания болезни в различных ее стадиях. И скорее всего, это попытка стремительно умирающего организма бороться с угрозой из последних сил. Но это только мое предположение.

– Так, тогда что делать в этом случае?

– Бить тревогу, что же ещё! Я вам изложила всё что знала, вы уж сожмите до разумных пределов и максимально быстро передавайте веером эту информацию всем ведомствам, до которых вам удастся дозвониться. Да, и вот ещё что: пока это только догадки, но судя по тому что я вижу – готова предположить, что вирус может также передаваться воздушно-капельным путём при близком контакте с заражённым организмом. То есть при простом кашле, например, или чихе... Это тоже не скидывайте со счёта, хотя и стоит перепроверить гипотезу.

– Хорошо. Я понял, сейчас же и начну. Я перезвоню вам, как только появятся какие-то вопросы, договорились?

– Да. Пока я на связи. И... удачи. Она нам очень приго-

дится.

Михаэль завершил звонок и положил телефон на стол. В голове крутились крайне неоднозначные мысли об услышанном, и при этом сознание рисовало самые негативные картины. Если всё, что было сказано о вирусе и ситуации вообще – правда, то даже при быстрой реакции правительства Германии – и не менее быстрой правительств других стран, большого количества жертв в любом случае избежать не удастся. Другое дело, что сутки-двое промедления – и будет катастрофа. Пока же среагировать, подключить спецслужбы, авиакомпании, которыми летели люди тем самым рейсом, а также быстренько разогнать всех по домам под страхом уголовного преследования – это можно, причем относительно быстро. Как поведут себя люди, услышав в новостях нечто подобное, в принципе догадаться несложно. Найдётся большое количество бунтарей и идиотов, которые проигнорируют предписания, и они как раз и попадут в группу риска. Остальные же, будучи изолированными по отдельности или малыми группами – в пределах семьи – имеют все шансы выжить. В целом, быстрота реакции и введение чрезвычайного положения в странах Европы и США могут очень сильно помочь ситуации. Нужна лишь политическая воля.

Работающее на стрессе сознание начало подкидывать различные картинки и вопросы. Михаэль тут же стал лихорадочно соображать, что он будет делать после того, как оповестит экстренные службы. Любимая девушка живет в чуть

больше чем часе езды от Франкфурта – но к ней можно позже. Город Лих – большая деревня – и если туда и доберется зараза, то не сразу. Сперва надо из самого Франкфурта вывезти родителей. А ещё быстро успеть закупиться продуктами и залить полный бак. И предупредить друзей... хотя в такое навряд ли кто сразу поверит. И бабушку забрать из дома престарелых, но здесь недалеко...

«Черт бы вас побрал с вашими экспериментами!» – зло подумал Михаэль, достал из кармана личный телефон и начал искать контакты экстренных служб. Пока было совершенно неясно, с кого начинать и кому звонить. Поэтому, после недолгих колебаний, он решил перво-наперво позвонить в приёмную городской мэрии и начать с доклада об укушенных фельдшерах городской скорой. А дальше, подумал он, городское правительство само раздаст распоряжения муниципальным службам, полиции и выйдет на связь с министерствами и кабинетом правительства страны. И так по цепочке вверх. Пытаться сразу прозвониться в Берлин – дело дохлое, либо слушать не станут, либо на проводе провисишь полчаса, а соединят всё равно с каким-нибудь третьим помощником второго секретаря. До регионального правительства достучаться гораздо проще. А там пусть сами дальше думают.

Телефон приемной нашелся быстро. Рабочий день в мэрии как раз начался три минуты назад. Михаэль быстро набрал номер, и после пары гудков услышал голос секретаря:

– Мэрия города Франкфурт, Линда Бэкер. Чем я могу вам помочь?

– Здравствуйте, Линда. Вас беспокоят из клиники «Нордвест». Меня зовут Михаэль Бок. У меня дело государственной важности к обербургермейстеру Бекхоффу. Срочно соедините меня с ним!

– Господин Бекхофф ещё не подошёл, у нас только началась ранняя смена. Он будет часа через полтора. Что я могу передать?

– Я ему сам передам всё что нужно тогда, когда он придёт. Пожалуйста, запишите мои данные для обратной связи. Номер я продиктую.

Линда Бэкер записала данные Михаэля, затем спросила:

– О каком срочном деле идёт речь? Мне нужны детали, чтобы знать, о чём говорить с господином Бекхоффом.

– Сегодня ночью в городе зафиксирована вспышка вируса бешенства, причем штамм вируса крайне опасен. Нужно срочно провести ряд мероприятий по изоляции граждан. Один человек уже умер, несколько заражены.

– Вы вирусолог?

– Нет, я санитар в морге «Нордвест».

– Тогда откуда вы знаете о вирусе? Откуда информация?

– Я разговаривал с вирусологом, который мне это передал. Все данные о человеке у меня есть. Более того, у меня на столе лежит тело пациента, которого привезли сюда ранним утром, и который, предположительно, умер от вируса.

– Предположительно? То есть вы не знаете? – продолжала задавать вопросы Линда. Ей регулярно звонили люди очень разной степени адекватности, включая городских сумасшедших, и она, чтобы не попасть под немилость начальства, приобрела привычку сначала подробно расспрашивать звонящего о предмете обсуждения, стараясь попутно выявить психическое состояние собеседника, а уже потом, выстроив логическую картину, передавать или не передавать информацию руководству.

– Я лично не знаю. Но повторюсь, мне звонила женщина-вирусолог и донесла до меня эту информацию.

– Эта женщина – ваша знакомая?

– Нет, она знакомая умершего.

– То есть вы её не знаете, но она вам сказала, что ваш пациент умер от вируса?

– Да, всё так.

– Но с чего вы взяли, что она вирусолог и донесла до вас проверенную информацию?

– Я... – здесь Михаэль не нашелся, что ответить, и уже понял, что прокололся – не имея проверенных фактов, он вывалил слишком много деталей, вместо того чтобы сфокусироваться на главном. – Я вам сказал, как есть, и мне нужно срочно поднять экстренные службы по тревоге. Скоро может быть поздно, понимаете?

– То есть вы хотите, чтобы я передала непроверенную информацию, мы объявили в городе, а далее в стране карантин,

поставили под ружьё полицию, МЧС, армию, и при этом поверили вам или человеку, которого вы не знаете? Ваша врач или кто там она – оставила свои данные? Она из Франкфурта?

– Нет, она не из Франкфурта. Он гражданка США, в данный момент живёт и работает на Украине.

– Ясно. Есть ещё что-то конкретное? – Линда уже начала уставать от нервного собеседника, который скорее всего был либо в неадекватном психическом состоянии, либо просто занимался пранком или провокациями.

– Да как вы не понимаете! Скоро полыхнёт по всей стране! – Михаэль начал злиться. Причем не на секретаря, а на себя – потому как в её словах была логика, а он мало того, что принял всё на веру, так и сам запутался в процессе разговора и сам того не желая загнал себя в логическую ловушку.

– Нет, господин Бок, я как раз всё поняла, – раздражённо ответила Линда Бэкер, – прошу вас больше сюда не звонить, – и повесила трубку.

Михаэль выругался и плюнул со злости. Теперь каким-то образом придётся заходить сбоку, чтобы связаться с главой городского правительства. «Ну, что же, пусть это теперь делают специальные службы» – подумал он и, быстро найдя телефон управления санитарно-эпидемиологической службы Франкфурта, набрал номер. После непродолжительных гудков ему ответили:

– Санитарная служба Франкфурта, меня зовут Конрад

Кляйн, слушаю вас, – бодро отрапортовал мужчина на том конце провода.

Михаэль поздоровался, повторил свои данные и суть вопроса, сославшись на срочность сообщения, и особо подчеркнул, что распространяющийся вирус крайне опасен и требуется оповещение всех служб города на всех возможных уровнях.

В санитарно-эпидемиологической службе с такими вещами не шутили. Эти люди сталкивались с очень разным по роду своей деятельности, поэтому Конрад Кляйн, даже не задавая дополнительных вопросов, моментально попросил паузу и пообещал перевести на главу СЭС напрямую.

– Господин Бок, только я сразу хочу вас предупредить, что руководитель СЭС – человек очень занятой, и часто может подолгу не отвечать. Пожалуйста, наберитесь терпения и повисите на проводе. Если связь оборвется, перезвоните мне ещё раз.

– Да, конечно. Благодарю вас, господин Кляйн, вы мне очень помогли, – Михаэль облегчённо выдохнул. Хотя бы здесь адекватные люди попались, понимающие всю серьёзность подобного рода сообщений.

Заиграла музыка, Михаэль ждал соединения. Чтобы зря время не терять, он поставил телефон на громкую связь, свернул окошко вызова и продолжил искать контакты служб и министерств в интернете, попутно переписывая номера телефонов в лежавший на столе блокнот.

Внезапно из зала, где работал его коллега, послышался шум, затем раздался грохот падающей металлической посуды для хирургических инструментов.

– Ульрих, чёрт тебя подери, – крикнул Михаэль, – можно потише? У меня крайне важный звонок.

В помещение заглянул охранник, услышав грохот из коридора, однако Михаэль покачал головой, показав что беспокоиться не о чем – банальная неосторожность растяпы-коллеги, уронившего инструменты на пол...

За несколько минут до этого, там же.

Патологоанатом Ульрих Майер закончил работу над историей болезни двух ночных пациентов, привезённых почти одновременно ещё в начале смены, а также подготовил шаблон по господину Левинсону, лежавшему на столе в метре от рабочего кресла. Его смена закончилась десять минут назад, однако Ульрих был из тех, кто очень тщательно делал свою работу и всегда доводил её до конца, и сейчас завершал все бумажные процедуры, стараясь ничего не упустить. Заниматься телом, скорее всего, будет уже дневная смена, и возможно даже не сегодня, но коллегам нужно подготовить базу и сделать это предполагалось очень тщательно.

Закончив все необходимые дела в части документов, патологоанатом навел порядок на рабочем месте, а затем пошел к специальному шкафчику, в котором лежали стопкой

специальные герметичные мешки для тел. Один такой необходимо было пронумеровать в соответствии с номером, нанесенным на бирку, висящую на петле на большом пальце ноги. И в этот мешок будет помещено тело для транспортировки усопшего на Родину. Ульрих взял один мешок, закрыл дверь шкафчика и повернулся к столу. То, что он увидел, заставило сердце бешено колотиться и нырнуть куда-то вниз, а по спине пробежал холод: перед ним стоял мертвенно-бледный человек, тот самый пациент, привезённый рано утром, с полузакрытыми веками. От неожиданности Ульрих даже выронил пакет из рук и, попятившись, ударился спиной о металлическую дверь шкафчика. Заболело сердце.

Довольно быстро оправившись от страха, Ульрих поймал себя на мысли, что слава Богу, что пациенту не стали делать вскрытие – а то бы исполосовали живого человека, впавшего, видимо, в кому или летаргический сон, и на руках был бы уже гарантированный труп.

– Вы... Вы в порядке? Нам вас привезли, думая, что вы мертвы... констатировали смерть, понимаете? – Сам толком не осознавая, что говорит, зататорил Майер.

Собеседник ничего не ответил. Он стоял, словно приходя в себя после долгого сна, и покачивался. Затем веки открылись, и Ульрих Майер замер от изумления: на него будто смотрела кукла. Зрачки были сужены до состояния точки, глаза подернуты дымкой и будто бы покрыты масляной плёнкой, настолько безжизненными они казались. На Майе-

ра смотрел, не моргая, живой труп со стеклянным взором и совершенно каменным лицом.

– Вы как, в порядке? – Осторожно переспросил патологоанатом. Он никогда не видел подобного за всю свою практику, и даже про такие случаи не слышал. То, что в моргах изредка «оживали» пациенты – да, такое было, и случаи не единичны. Но именно в таком состоянии – молча, как живой труп, встать со стола, и пойти куда-то не говоря ни слова – ни разу.

В ответ Левинсон издал тихий и протяжный стон, больше напоминающий скуление новорожденного щенка, а затем так же молча, как и до этого, не издавая ни единого звука, бросился на Ульриха и вцепился ему зубами в щеку. Ульрих был настолько поражён и напуган, что даже не издал ни звука. Лишь резкий выброс адреналина в кровь не лишил его сознания, хотя ему уже начало казаться, что сейчас ноги подкосятся, а голова выключится. Еле оттолкнув Левинсона, Ульрих рефлекторно схватился рукой за лицо, а затем посмотрел на ладонь. По руке текла кровь, щека была разорвана. Через секунду пришла боль – неприятная, тянущая. Левинсон развернулся и попробовал напасть на Майера ещё раз, успев схватить его за халат. Ульрих подался вперед и потащил за собой тело Юджина, однако внезапно споткнулся и начал падать на пол. Пытаясь найти хоть что-то, за что можно зацепиться в падении, Ульрих провел рукой по столу и смахнул с него металлическую ванночку для хирургии.

ческих инструментов. Инструменты и ванночка полетели со стола на кафель и с грохотом разлетелись по полу. Откуда-то из соседнего помещения раздался возглас Михаэля, который требовал вести себя потише, но Ульрих не мог позвать на помощь – он был сконцентрирован на борьбе. Левинсон оказался сверху и, легко преодолев сопротивление испуганного патологоанатома, который пытался, едва перевернувшись на бок, хоть как-то удержать тело нападавшего руками, вцепился Майеру зубами в шею. Тот попробовал вскрикнуть, но звук тут же застрял в горле – Левинсон одной рукой надавил своей жертве на верхнюю часть грудной клетки, а другой взял Ульриха за волосы и начал запрокидывать голову дальше назад, чтобы получить более лёгкий доступ к сонной артерии. Уже через несколько секунд Левинсон прокусил Майеру шею, вырвал кусок мяса и потащил зубами артерию наружу. В какой-то момент артерия лопнула, и в лицо Левинсону ударил фонтан крови. Ульрих в этот момент уже умирал, хрипя и суча ногами. Спустя несколько секунд патологоанатом обмяк, а Левинсон по-прежнему терзал его зубами и жадно всасывал кровь...

Михаэль Бок дозвонился через пару минут ожидания на линии. Наконец-то на том конце провода раздался низкий бас немолодого мужчины:

– Руководитель санитарно-эпидемиологической службы города Франкфурта Гюнтер фон Бергер, слушаю вас.

– Добрый день, меня зовут Михаэль Бок, я санитар морга клиники «Нордвест» во Франкфурте. Я хотел бы заявить... – но фразу Михаэль закончить не успел, получив сильнейший удар в спину. Телефон вылетел из рук и, упав на кафельный пол, от удара отключился. Михаэль перевернулся на спину, лёжа на полу, и увидел склонившегося над ним человека с окровавленным лицом, с подбородка которого вниз по шее бежали капельки крови, оставляя темно-красные следы на коже. В безжизненной красной маске Михаэль узнал того самого пациента, привезённого на каталке пару часов назад. Психика Михаэля работала несколько иначе чем у Ульриха, бездыханное тело которого лежало в луже крови в соседнем помещении – первой реакцией в критических ситуациях был не панический ужас, а собранность и холодная голова, как будто происходящее вокруг его не касалось, и оставалась лишь концентрация на себе и своем теле, а время замедлялось. Эти навыки Михаэль приобрел еще в подростковом возрасте, несколько лет занимаясь боевыми искусствами. Потому санитар быстро среагировал на опасность и успел, оттолкнувшись ногой от пола, откинуть своё тело в сторону. Быстрая реакция спасла его во время прыжка нападавшего, который в ту же секунду всей своей массой обрушился на пол, даже не почувствовав боль от сильного удара о твердую поверхность. Михаэль в ту же секунду догадался, с кем, а точнее – с чем он имеет дело, моментально сопоставив увиденное с услышанным ранее от Оливии Тэйлор. И в

этот момент его охватил ужас. Страх смерти отошел на задний план, уступив место еще более древнему и животному страху необъяснимого, потустороннего. Больше всего Михаэль не хотел бы подцепить мутировавший вирус бешенства и обратиться в подобное существо, напроочь утратившее человеческий облик. Левинсон схватил Бока за ноги, затем начал лезть по телу вверх, к голове, абсолютно игнорируя сильные удары кулаками по черепу. Михаэль отбивался что есть сил, но ничего не помогало, и тогда он закричал, зовя на помощь охранника. Левинсон, не обращая на вопли и удары никакого внимания, резко толкнул обеими руками жертву в лицо, из-за чего санитар очень сильно ударился затылком о пол. У Михаэля потемнело в глазах и он разжал руки, а через секунду почувствовал сильнейший укус в правую скулу. Левинсон вцепился зубами в челюсть своей жертвы, словно бультерьер, и не отпуская.

Внезапно зубы Юджина разжались от мощного удара дубинкой по голове, а сам он отлетел в сторону. Михаэль через плывущую перед глазами дымку лишь успел увидеть, как охранник морга избивает Левинсона дубинкой, а тот, не обращая внимания на удары, ползёт к ноге мужчины. Санитар постепенно терял сознание – сказывался удар затылком об пол, голова кружилась, ужасно тошнило. Михаэль увидел, как Левинсон впился зубами в запястье охранника и после этого санитар откинулся на пол, из последних сил перевернувшись на бок. В этот момент он с сожалением думал о том,

что больше не увидит своих родных, и что всё так неудачно закончилось как для него, так и для его коллег. Чувство горести постепенно сменялось безразличием. Михаэль сейчас просто хотел спать. Он лежал, глядя на то, как охранник пытается давить на полицейскую дубинку обеими руками, чтобы не дать Левинсону встать. Видел также, как наконец-то объявился другой его коллега-патологоанатом из соседнего помещения за стенкой, прибежавший на крик — он был в верхней одежде, видимо, собирался идти домой, а на шее висели наушники. Шума и звуков борьбы сразу не услышал, а вот крик уловить смог. Коллеги вдвоём сумели вытолкать озверевшего Левинсона наружу за дверь, но тот умудрился в последний момент укусить ещё одного человека за пальцы. Михаэль уже начал выключаться. Перед лицом плыли различные картинки, во рту стоял горький и неприятный привкус. В этот момент сознание было будто отслоено от тела. Михаэль думал о том, что и он, и эти двое, скорее всего, также потеряют человеческий облик в результате заражения, и случится это всего через несколько часов. Или минут. И что пока люди догадаются, что происходит, заражены будут уже тысячи или десятки тысяч, а распространение болезни уже практически невозможно будет остановить без огромных человеческих жертв. И что многие города будут закрыты... и как родные и близкие окажутся в эпицентрах эпидемии, и что у них практически не будет шансов бежать, особенно у пожилых. И что большинство детей и ста-

риков, попавших в зону заражения, обречены. Михаэль винил себя за то, что не смог уберечься и, самое главное, не успел никого предупредить. Будет потеряно время, так необходимое для предотвращения вспышки болезни. Катастрофа из-за неудачно сложившихся обстоятельств. Еще пять минут – и всё пошло бы по-другому. А тут... Божье Предопределение, не иначе. И самое главное, что понимал Михаэль – он получил достаточно тяжёлую черепно-мозговую травму, и вирус его убьёт, скорее всего, ещё до того как он очнётся. Последним чувством, которое он испытал в своей жизни, прежде чем погрузиться в темноту – было чувство глубочайшего разочарования.

24 апреля. Киев. Оливия Тэйлор

Поговорив с Михаэлем Боком из Франкфурта, Оливия немного успокоилась. Она была уверена, что Михаэль донесёт срочную информацию до всех, кого только можно. Судя по разговору, он был человеком серьёзным и поверил во всё то, что она говорила. Это хорошо. Потому как на счету каждая минута, и ответственный помощник в стране, откуда, фактически, начинается эпидемия, был очень кстати. Он сможет предупредить все необходимые службы Германии максимально быстро, и благодаря вовремя принятым мерам катастрофического масштаба распространения вируса получится избежать. В этом плане Оливии повезло, что

Михаэль взял трубку, выслушал её, и не послал куда подальше. И что телефон так вовремя оказался рядом, а не лежал где-то в камере хранения с севшей батареей.

От сердца немного отлегло. Однако это было только начало. Во-первых, было абсолютно непонятно, кого ещё успел заразить Юджин и полетели ли эти заражённые куда-то в другие страны, или все как один оказались в Германии. В первом случае – ситуация очень страшная. Во втором – просто страшная. И если Германию ещё как-то можно посадить на карантин и даже закрыть въезды и выезды, то если заражённые оказались за её пределами – при этом, непонятно было, где их сейчас искать – то в дело придётся включаться спецслужбам, чтобы выявить местоположения инфицированных. А это время, которого нет. Самым страшным врагом сейчас являлось именно время.

Собравшись с мыслями и быстро проанализировав, что еще можно сделать, Оливия набрала номер куратора проекта в ЦРУ, чтобы доложить о ситуации. Руководитель ответил после первого же гудка – телефон для связи у него всегда был под рукой, и днём и ночью:

– Здравствуйте, Оливия, – сразу начал он, – обычно мы связываемся через господина Левинсона, и я полагаю, что если вы звоните мне, у вас есть все основания для такого звонка?

– Доброй ночи, господин Карпентер. Да, я звоню вам со срочным известием, и мне понадобится вся ваша поддержка.

Пожалуйста, уделите мне всё свое время. Вопрос не терпит отлагательств.

– Хорошо, – согласился Карпентер, – я весь – внимание.

– Новости у меня на самом деле самые плохие, какие только можно придумать. Я пыталась дозвониться до Юджина, он как раз должен был на тот момент делать пересадку во Франкфурте, чтобы лететь в Нью-Йорк. Мне он прислал сообщение, что скорее всего до Нью-Йорка не долетит – предполагаю, что писал в самолете, а дошло уже когда телефон оказался в зоне действия связи в аэропорту. Я пробовала ему перезвонить, получилось раза с десятого, наверное. Взял трубку санитар клиники «Нордвест» во Франкфурте и сообщил, что господин Левинсон сегодня ночью, ближе к утру, поступил к ним в реанимацию, и практически сразу скончался. Сейчас его тело передано в морг «Нордвеста» и ожидает разрешения жены на транспортировку...

– Очень печально это слышать, Оливия, – вздохнул Джон, – к сожалению, такое бывает, хотя я очень удручен этими обстоятельствами хотя бы ввиду того, что Юджин вёл настолько ответственный и значимый проект. У вас есть все данные по исследованиям на руках, вы сможете временно возглавить лабораторию, пока мы не решим, что...

– Извините, что перебиваю, сэр, но здесь речь не о смерти Левинсона, хоть это и большая утрата для всех нас. Есть нечто более важное и срочное.

– Излагайте. Но я уже начинаю беспокоиться, если смерть

одного из наших лучших учёных – не самое главное и срочное для вас.

– В общем... я не знаю, в курсе вы или нет – но Юджина вчера укусила лабораторная крыса, инфицированная вирусом бешенства, причём мутировавшим в самую опасную его вариацию на сегодняшний день.

– Нет, он мне этого не говорил. Решил умолчать, видимо. Ах, Юджин, Юджин... любитель преуменьшать проблемы. Так, и вы думаете, что именно это его сгубило?

– К сожалению, сэр, я не то что думаю, а уверена на сто процентов. Я полагаю, вы читали вчерашний отчёт? В котором говорилось о странном поведении крыс в терминальной стадии болезни. И в первую очередь – о том, что после клинической смерти происходит перезапуск организма и крысы оживают. При этом мозг у них практически отключен – выполняет лишь самые базовые функции, будто в режиме энергосбережения.

– Да, это я читал ещё вчера утром. Что-то ещё обнаружилось?

– К сожалению, да. Обнаружилось. Подопытные перестают чувствовать боль и физические повреждения, но у них просыпается немотивированная агрессия и желание убивать незаражённых, выявлены случаи каннибализма...

– И каким образом это относится к Левинсону? – перебил Джон. – Давайте по существу. Вы говорите, что Юджина сгубил ваш штамм после укуса заражённой крысы. Он умер

во Франкфурте, что мне кажется странным – потому как если его укусили вчера, то почему он умер сегодня, меньше чем через сутки. Вы не думаете, что это мог быть простой инфаркт, а заражение – это не причина, а всего лишь сопутствующий фактор?

– Нет, дело не в этом. Могло быть что угодно, конечно. Но я расспросила сотрудника морга, что он слышал, и он сказал мне, что Юджин, когда его привезли, абсолютно не контролировал себя, бросался на людей, покусал несколько человек – и в самолете, и в аэропорту, и фельдшеров неотложной помощи.

– То есть вы хотите сказать, что он вёл себя ровно так, как вели себя ваши лабораторные крысы в тяжелой стадии болезни?

– Вы совершенно верно поняли. И самое главное в этой истории то, что вирус крайне заразен. Крайне. И если, как говорил тот санитар, Левинсон несколько человек укусил – то можно быть уверенными в том, что эти люди тоже заражены. А потом они заразят своих родных и близких, и так далее по цепочке. К сожалению, господин Карпентер, мы стоим на пороге очень масштабной эпидемии. И в наших силах её хотя бы локализовать.

– Ясно. Очень, очень плохо. Просто ужасно. Я, конечно, через наших коллег сделаю запрос по пассажирам самолёта, которым летел Левинсон, а также по фельдшерам скорой, которые его везли, но насколько это решит проблему и не

пропустим ли мы ничего – большой вопрос. Я подозреваю, что речь идёт о всемирном карантине, если в течение пары суток мы не выявим очаги и не устраним их. Тогда такой вопрос, Оливия: что по времени протекания болезни? Рассказывайте всё, только кратко и основное.

Оливия Тэйлор кратко изложила все детали исследования, попутно обрисовав симптомы и указав на то, что антибиотики и вакцины, работающие на вирусе бешенства, совершенно отказываются работать на мутировавшем штамме. И, в конечном счёте, это очень сильно осложнит борьбу с болезнью. Джон слушал очень внимательно, соображая, что делать дальше. Затем спросил:

– Скажите, Оливия, вы точно никому ничего не говорили? Даже тому санитару?

– Точно, сэр, – соврала она, зная, что через пару часов всё будет известно. Но ей нужно было выгадать время. Оливия понимала, что ЦРУ и правительство США будут заботиться только о самих США, им глубоко наплевать на судьбу Европы, однако, в конечном счёте, это нанесёт удар и по Северной Америке, ввиду неконтролируемой миграции людей на планете. Она понимала это как никто другой, лучше всех осознавая природу того продукта, над которым трудилась целая лаборатория в течение нескольких месяцев. И Оливия чётко решила, что передаст данные куда только сможет в максимально кратчайшие сроки. Равно как она понимала, что это положит конец её карьере. Но молчать было нельзя – слиш-

ком стремительным будет развитие эпидемии, если не принять должные меры прямо сейчас.

– Хорошо. Тогда я соберу совещание сейчас же. Поднять на ноги все службы будет не так просто – всё же ночь на дворе, но козырных тузов я побеспокою. Вы же не должны, даже под страхом смерти, никому говорить о том, что знаете! Всю связь держать только через меня. Это вопрос национальной безопасности. Вы понимаете, что будет, если обо всём узнают в ООН? Что США под боком у Европы разрабатывали супервирус, который в итоге по европейцам и ударил. За это по голове не погладят, точно!

– Господин Карпентер, я вас поняла. А всё же – если я попробую прозвониться в правительства и министерства по всей Европе и без подробностей и анонимно – но сообщить о необходимости поднять на уши весь Евросоюз в части биологической угрозы? – Оливия решила «прощупать почву» и понять реакцию руководителя, чтобы определить, что делать дальше.

– Ни в коем случае! Даже не вздумайте. Я сам всё решу. Чтоб никакой самодеятельности. Вам это понятно?

– Да, я всё поняла. Не буду.

– Хорошо. Будьте на связи и ждите моего сигнала.

Джон повесил трубку. Оливия была вне себя от ярости: идиот-руководитель сейчас потеряет кучу времени и конечно же никого не предупредит именно в том регионе, где надо действовать максимально быстро. А в США сейчас глу-

бокая ночь, и действовать службы начнут дай Бог если часов через девять или десять. А то пока среагируют, пока информация пройдёт через кучу начальников на местах – так и все пятнадцать. К тому моменту в Европе уже будут сотни или тысячи заражённых. Люди контактируют между собой, едят из общей посуды, чихают и кашляют друг на друга – а через попадание слюны на слизистую глаза или рта заражение почти гарантировано, целуются, в конце концов. Один ребенок в школе или детском саду заразит всех остальных в группе, те по цепочке разнесут по домам, ну и пошло-поехало. Плюс покусы, если реакции будут идентичны тому, что уже удалось увидеть на подопытных объектах в лаборатории. Нет, действовать нужно быстро. Михаэль сейчас звонит всем кому только можно в Германии, это хорошо. Поэтому можно начинать оповещать соседние страны. Работа предстоит непростая...

Оливия нашла телефон Оперативной Секции Безопасности ООН в Женеве, на который обычно принимались звонки в случае чрезвычайных ситуаций, и набрала номер. Раздались частые гудки, соединение установить не удалось. «Странно», – подумала она, – «может, у них уже телефон разрывается от звонков? Тем лучше, если так!». Затем нашёлся телефон Всемирной Организации Здравоохранения – также при ООН в Женеве. Набрала и этот номер. И опять не смогла дозвониться. Почуввав неладное, Оливия зашла в приложение оператора и с удивлением, сменяющимся негодова-

нием, обнаружила, что её сим-карта заблокирована и дозвониться она никуда не может. Позвала коллег по лаборатории, попросила их телефоны. Тотчас же выяснилось, что и их номера также заблокированы. Дозвониться по бесплатному номеру службы спасения не удалось – в лаборатории, находящейся под землёй, кто-то дистанционно отключил ресивер радиосигнала с антенны. Связь пропала вообще вся. А через несколько секунд также отключился вай-фай роутер и пропал интернет.

«Вот же сволочь, а! Главное – как быстро среагировал, ты смотри! Интересно, а Левинсон знал о системе дистанционного контроля коммуникаций, заложенной при проектировании и строительстве лаборатории? Наверняка ведь знал...» – думала Оливия, стоя посреди лаборатории и совершенно не понимая, что ей делать дальше. Связи с внешним миром не было никакой, а до конца рабочей смены лифт был заблокирован из соображений безопасности, и выйти на улицу не представлялось возможным. План был провален. Когда кончится рабочая смена, её на выходе под белы ручки примет служба безопасности родной конторы. А что будет дальше – неизвестно. Если её отправят спешно в США, это будет вполне ожидаемо. Если посадят в тюрьму на Родине – а скорее всего, так оно и случится, то это очень плохо, разумеется. Но в случае распространения заразы она будет изолирована. Хотя это слабо утешает, если обвинят по какой-нибудь очень неприятной статье типа раскрытия го-

сударственной тайны. Любой расклад – большой и жирный минус. Оливия хотела предупредить всех, кого можно предупредить, и таким образом хоть как-то повлиять на ситуацию, но проиграла, так и не успев сделать ничего существенного. «Эх, знать бы расклад наперёд... я бы тебе, дорогой Джонни, последнему позвонила сегодня. Но кто бы знал...». Оливия села на стул и расплакалась. Первый раз за последние лет десять, наверное. «Проиграла... почти всухую».

Тем временем, в «стекляшке» возле входа в здание, на проходной у охранника на нулевом этаже завибрировал телефон. На номер аппарата, молчавшего последние полгода, пришло одно единственное сообщение. Писал Джон Карпентер, в записной книжке записанный как «Руководство». В сообщении было указано: «Код 9. Проект закрывается». Охранник, вежливый и улыбочивый мужчина, мимо которого каждое утро проходил ныне покойный Юджин Левинсон, отправил обратное письмо для контроля поступившего распоряжения: «Вторая часть кода?». Через несколько секунд ему прилетело еще одно сообщение: «Вторая часть кода – 11». Перекрёстный контроль, на случай ошибок – сознательных или случайных. Охранник написал в ответ: «Принято. Приступаю».

Сотрудник отдела внутренней безопасности ЦРУ, лейтенант Скотт Морган, работавший под видом обычного охранника на КПП лаборатории, пультом заблокировал электрозамок на входной двери, затем встал со своего места, про-

шёл к дверце электрощитка в углу справа от входа и открыл ключом замок. За небольшой, неприметной металлической дверкой был всего-навсего один электронный терминал размером с две пачки сигарет с электронным табло и панелью с цифрами. Скотт Морган ввёл код 9-11, и нажал на кнопку.

Откуда-то из-за стены раздался гул помпы, которая начала забирать из резервуара между этажами газ на основе фентонила и гнать его через систему вентиляции вниз, в рабочие кабинеты и коридор. На опустошение цистерны требовалось несколько минут. Чтобы зря не тратить время, Скотт достал из шкафчика позади рабочего места большую спортивную сумку и набор инструментов в маленьком пластиковом кейсе, надел закрытую куртку, перчатки, нацепил газовую маску на лицо и закрепил в рюкзаке за спиной небольшой баллон со сжатым воздухом. Его должно хватить примерно на сорок минут, этого будет вполне достаточно. Из небольшой металлической коробочки размером с сигарную шкатулку, лежавшую там же в шкафчике, Скотт Морган достал ручку-шприц, наполненную налоксоном. Одна единственная доза на всю лабораторию предназначалась именно ему, если операция пойдёт под кодом 9-11. Инъекция налоксона должна спасти его при передозировке фентонилом. Морган был абсолютно уверен, что проблем быть не должно, газовая маска не протечёт и воздуха хватит, и ему не придётся хлебнуть усыпляющего газа на базе сильнодействующего анальгетика, но необходимость присутствия в кармане инъекции была про-

диктована инструкциями по безопасности. Да и бережёного Бог бережёт.

Скотт спустился на лифте на этаж исследовательской лаборатории. Подниматься на технический этаж или в жилой модуль у него в планы не входило. Все, кто там мог быть из числа персонала, сейчас находились без сознания. Да и люди эти были не при делах – так, обслуга да и только. Скотта интересовала именно лаборатория, и её посещение входило в инструкцию на случай действия по текущему плану. Агент Морган открыл дверь в лабораторию мастер-ключом и, пройдя по коридору, оказался в офисном крыле. Его целью были рабочие компьютеры научного персонала. Скотт в течение нескольких минут сорвал заглушки на системных блоках нескольких компьютеров и небольшой отвёрткой открутил винты жёстких дисков. Все диски с данными отправились в спортивную сумку. Следом за ними Морган сложил в сумку стопку CD-дисков с документацией, несколько рабочих флэшек, а также стопку папок с распечатками. После сбора данных он вышел в коридор, оставив в офисной части двоих сотрудников, лежавших на полу в неестественных позах – видимо, как сидели, так и попадали со стульев, вдохнув высококонцентрированного газа.

Затем настал черед лаборатории. В помещении также на полу лежали несколько сотрудников без сознания. Скотт первым делом забрал мобильный телефон у Оливии Тэйлор, после подошёл к шкафчику и вынул небольшие пластиковые

контейнеры. В них, в вырубленных в пенополиуретановой подушке ложементов, лежали пробирки с биоматериалом – удачными вариантами наработок за месяцы существования центра. Контейнеры и телефон также отправились в сумку. И последним, что Скотт забрал с собой, были два винчестера с данными с двух компьютеров, стоявших в лабораторном помещении.

Проходя мимо столов с лабораторными крысами, Скотт обратил внимание, что часть из них лежит без сознания – те, которые сидели в обычных клетках, ожидая начала экспериментов, а другая часть – те, что находились в изолированных аквариумах, бодрствуют и хаотично перемещаются внутри коробов из поликарбоната. «Странно», – подумал Скотт, – «должны были тоже отключиться. Может, им по трубкам газ не прошёл через вентиляцию? Должен был везде просочиться. Видать, что-то не до конца сработало. Ну и чёрт с ними» – он мысленно махнул рукой. Все равно через пять минут это будет уже неважно.

Агент Морган вышел из лабораторного крыла и направился к лифту. Поднявшись с минус третьего на нулевой этаж, он отправил лифт обратно вниз, затем открыл дверцу электропитания лифтовой шахты рядом с раздвижными дверями, и с помощью отвертки открутил винты и снял клеммы. А после обрезал кусачками кабели под корень так, чтобы их невозможно было нарастить, и в случае необходимости восстановления проводки пришлось бы разбирать кусок стены.

Иных способов попасть в лабораторию не было.

Когда дело было сделано, Скотт наконец приступил к самому главному: снял фальшь плиту за своим креслом, вставил отдельный ключ-флешку в паз электронной панели, что пряталась от посторонних глаз, и повернул его на полный оборот по часовой стрелке. Через секунду стены и пол задрожали, под ногами раздался гул, Моргана даже немного подбросило вверх, а плитка на полу потрескалась в нескольких местах. Еще одна трещина в палец толщиной пробежала по стене снизу вверх и замерла под потолком.

Скотт Морган вышел из помещения на улицу и запер за собой дверь. Проходя мимо мусорного контейнера, он выкинул туда газовую маску, рюкзак с кислородным баллоном и куртку с перчатками. На служебном телефоне набрал текст смс: «Проект завершён. Данные со мной, еду». После этого выключил телефон, извлёк из него сим-карту и также выкинул её в мусорный контейнер. Мобильник с «засвеченным» IMEI-кодом разбил об асфальт и отправил следом.

Пройдя пятьдесят метров, Скотт Морган свернул за угол основного производственного корпуса «КиевФармБио» и вышел на парковку, где его ждал припаркованный здесь же автомобиль. Сумку с винчестерами, биоматериалами и документацией он перегрузил в туристический чемодан на колесиках, из багажника достал другую сумку с костюмом, туфлями и рубашкой, переоделся, а старую одежду кинул назад в багажник. Машину предстояло бросить на пустыре

на окраине Киева, а с ближайшей дороги вызвать такси в аэропорт. Проверив карманы и убедившись, что паспорт сотрудника Министерства Иностранных Дел США с документом-«непроверяйкой» на месте, лейтенант Скотт Морган, по документам – дипломат Джеймс Кроу, завёл мотор. Проект, в котором он занимал позицию наблюдателя службы безопасности, пошёл не по плану. Но с этим пусть разбирается руководство. А он сделал всё правильно: когда возник риск утечки данных, один из сотрудников вынес информацию наружу, а второй – руководитель проекта – оказался мёртв, Скотт согласно инструкции извлёк всё то, что представляло хоть какую-то ценность в плане наработок, чтобы по линии МИДа отправить груз первым же авиарейсом домой. А чтобы ликвидировать угрозу слива информации в лице сотрудников лаборатории, он активировал электронный детонатор, который инициировал подрыв заложенных по всему контуру лаборатории зарядов взрывчатки на всех трёх этажах, уничтожив всё что было внутри и обрушив перекрытия подземных этажей. Людей и следы исследований взрыв похоронил под грудой строительного мусора. Чтобы попасть вниз, разгрести завалы и понять хотя бы профиль работы данного учреждения, потребовались бы недели. Но за такое время это уже станет неважно, а все вопросы, какие могут возникнуть у местных властей, порешают нужные люди. В этой коррумпированной восточноевропейской помойке пара звонков и хороший транш решат любую проблему.

Скотт Морган не думал о тех, кто остался под завалами. Он просто выполнял свою работу согласно инструкциям и старался не рассуждать о моральной стороне вопроса. Впрочем, его это особенно и не волновало. Заканчивалась мучительно долгая и очень тяжёлая командировка на другом конце земного шара, утомляющая и отупляющая. И Скотт с чувством выполненного долга наконец-то ехал домой.

24 апреля. Международный аэропорт Франкфурт. Дмитрий Вознесенский.

Крепко сбитый светло-русый мужчина устало облокотился на колонну в зале выдачи багажа международного аэропорта Франкфурт, ожидая когда по ленте отправят его туристический чемодан. Он летел домой, в Россию, после достаточно нервной четырёхнедельной командировки в Ливию, в которой ему пришлось вводить в эксплуатацию оборудование для нефтедобычи на буровой платформе ливийского национального оператора. Мужчину звали Дмитрий Вознесенский, и он пятнадцатый год подряд работал сервисным инженером на крупную российскую нефтегазовую компанию, разрабатывавшую ближневосточный нефтяной шельф совместно с правительствами нескольких стран. Свой тридцать девятый день рождения он отметил несколько дней назад на буровой платформе с инструментами в руках. Четыре недели без выходных дались тяжело, но времени на работы бы-

ло мало, потому как работодатель старался как можно быстрее начать реализацию проекта, отложенного с 2011 года. И Дмитрий после окончания командировки взял себе неделю отгулами и решил съездить в Питер к родственникам, посетить город и погостить у дяди с тётёй, а уже затем возвращаться в Москву.

Вознесенский был отличным специалистом в своём деле и очень разносторонним человеком, однако личная жизнь как-то не клеилась – два неудачных брака, детей не было, последние отношения развалились полтора месяца назад – его девушка устала от постоянных командировок и жизни неделями в одиночестве и ушла. И по сути, единственными близкими людьми у Дмитрия оставались родители и дядя с тётёй. Была ещё сестра, но она десять лет назад уехала с новым мужем во Францию, и с тех пор на связь выходила в лучшем случае два раза в год – поздравить с днём рождения и с Новым годом. Каких-то тёплых родственных отношений между ними не было практически никогда, а сейчас и подавно. Да и внимание Дмитрия было направлено скорее вовнутрь себя, чем вовне, и он уже давно привык быть один, не нуждаясь ни в ком и занимаясь либо работой, либо несколькими хобби в свободное время.

В аэропорту в это время было достаточно многолюдно, несмотря на ночь – всё же Франкфурт был четвёртым в Европе по пассажиропотоку и первым по грузоперевозкам. Здесь круглый год, ежечасно, прилетали и улетали сотни и тысячи

людей и десятки тонн грузов. Дмитрию не очень повезло с билетами – прямых рейсов в Петербург не нашлось, а через Франкфурт пришлось лететь двумя авиакомпаниями, и не только ждать свой багаж, затем проходить регистрацию заново и терять кучу времени, но и стык также получался почти трёхчасовой. Вознесенский уже почти спал – будучи «жаворонком», он достаточно тяжело переживал ночные бдения, а после четырех недель работы без выходных – и подавно. В какой-то момент, уже почти валясь с ног от усталости, он наконец-то заметил на ленте свой чемодан, забрал его и поспешил в зал регистрации вылетов, на ходу сдирая уже ненужные бирки. Сейчас Дмитрий хотел только одного: первым пройти регистрацию на рейс в Россию, которая уже открылась, а затем поспать в зале ожидания. Вознесенский ещё не знал, что по роковой случайности он от усталости перепутал ленту выдачи багажа с рейса из Киева, находившуюся не по левую, а по правую руку от колонны, и забрал не тот чемодан. В точности такой же, как у него, но только чужой...

25 апреля. Штаб-квартира ЦРУ, Лэнгли. Джон Карпентер.

В дверь постучали. Через секунду, не дожидаясь ответа, в кабинет вошёл агент Скотт Морган. Джон Карпентер внимательно изучал отчёт из лаборатории в Камеруне, где в данный момент полным ходом шло изучение геморрагической

лихорадки Эбола. А точнее сказать, выведение нового штамма вируса. Но не того, который испытывали сначала в Заире, а затем в Конго, Уганде и Габоне, и подавили векторной двухкомпонентной вакциной от одного известного американского производителя, а другого – такого, который разработанные на сегодняшний день вакцины брать не будут.

Для разработок биологического оружия странами запада африканский континент давно стал отличным испытательным полигоном. Уже более пятидесяти лет то там, то тут фиксируются вспышки различных заболеваний – как уже известных, наподобие малярии или ласской лихорадки, так и привнесённых из других регионов и нетипичных по своему происхождению тому, что было в Африке до определенного дня. Регион очень удобный, особенно экваториальная и субэкваториальная его части и тропики – санитарный контроль на нуле, медицина оставляет желать лучшего, спецслужбы совершенно некомпетентны, внешняя разведка направлена скорее на выявление и пресечение коварных замыслов ближайших соседей. А самое главное – даже в случае маловероятной промашки и утечки данных, возмущение африканских аборигенов никто не услышит и слушать не будет. Сколько раз представители африканских стран в ООН заявляли о голоде, конфликтах, эпидемиях – помощь была либо на словах, либо на бумаге. И в основном правительства этих стран максимум что получали – это старое, списанное с армейских складов оружие как европейского, так

и советского производства. Причём именно в тех регионах, где неожиданно находились богатые месторождения углеводородов, золота, алмазов, редкоземельных металлов. Африканский континент настолько же богат ресурсами, насколько и беззуб и не может защитить себя самостоятельно и тем более прийти к согласию. Чем всегда охотно пользовались европейские и американские, а в последние годы и китайские колонизаторы. Но китайцы, в отличие от первых, хотя бы не изображали демократию и заботу об угнетённых неграх – а точно так же срамливали правительства, а затем выкупали права на добычу за три копейки у местных князьков в обмен на военную помощь и наёмников. С различного рода экспериментами – как биологическими, так и военными – обстояло всё примерно так же, и было давно отработано до мелочей: за мелкий прайс покупаются местные крупные чиновники, делается дело, а затем тесты проводятся на соседних республиках. Очень удобно.

Скотт Морган закрыл за собой дверь и остановился.

– Вызывали, сэр?

Карпендер поднял глаза, кивнул и указал на кресло напротив стола, затем снова погрузился в чтение. Скотт сел, огляделся. Ничего не поменялось за месяцы отсутствия. Только бумаг на столе стало заметно больше. Джон, каким бы он говнюком ни был как человек, заслуживает огромного уважения как большой спец – не раз про себя думал Скотт. Карпендеру удавалось каким-то непостижимым образом не только вни-

кать во все ведомые им проекты, причём погружаясь в самые глубины, но при этом держать пальцы сразу во всех пирогах, контролируя буквально всех и каждого. Микроменеджмент на высшем уровне вкупе с великолепными навыками проектной работы в более глобальном смысле и привели Карпентера к той должности, которую он в данный момент занимал. А также беспринципность, безжалостность и отличное чувство настроений окружающих людей. Карпентер мог договориться с кем надо и при этом, почувствовав неблагонадёжность, предательство или обман, и уничтожить кого надо. В прямом и переносном смысле. Опасный человек. И умный – не отнять.

– Хочешь кофе? – спросил Джон, не отвлекаясь от бумаг.

– Да, сэр. Не откажусь, спасибо.

– Тогда мне тоже принеси. Двойной эспрессо, без сахара и без сливок.

Скотт про себя чертыхнулся, однако встал, вышел из кабинета, прошёл на кухню в конце коридора и нацедил из кофемашины две чашки. Себе взял двойную порцию сливок, за себя и за Джона, у которого была жуткая непереносимость лактозы. Поговаривали, что у него была какая-то хроническая болезнь двенадцатиперстной кишки, из-за чего Карпентер полжизни мучился животом, а сейчас чуть ли не онкологии обнаружили. Но это скорее слухи и домыслы – Джон был крупным мужиком с отличным здоровьем, и даже несмотря на достаточно приличный живот, в свои годы обладал отмен-

ной физической силой и выносливостью.

– Ваш кофе, сэр, – Скотт поставил кружку на блюде Джону на стол. Карпендер сделал вид, что не уловил достаточно наглой интонации подчинённого, поблагодарил кивком и спустя тридцать секунд, наконец, отвлёкся от бумаг и обратил внимание на коллегу. Джон вообще считал свою работу важнее чем чью-либо – в чём он был, конечно, прав – и не особо уважал чужое время. Если надо вызвать кого-то, кто просидит полчаса перед дверьми кабинета, чтобы иметь возможность дать короткое распоряжение, но именно в нужный момент – Джон это делает не задумываясь. Но эта неприятная черта его характера компенсировалась последовательностью в делах и чёткими указаниями. Он был не из тех, кто мог сказать сегодня одно, а завтра другое – и за это его также уважали окружающие.

– Итак, Скотт, – начал Карпендер, отложив бумаги и сложив ладони одну на другую, что всегда означало, что он был готов внимательно слушать, ни на что не отвлекаясь, – рассказывай, как прошло, что видел, может какие-то комментарии есть?

– Выполнил всё согласно инструкции, – вздохнул агент Морган, – всё прошло штатно и без каких-либо проблем.

Под проблемами Скотт подразумевал, что могли возникнуть какие-то сложности либо с подачей газа, либо с сотрудниками, которые на момент ликвидации лаборатории по тем или иным причинам могли находиться в сознании – напри-

мер, если в каком-то из помещений не сработал бы насос в вентиляции. Ну или возникнут технические сложности в момент инициирования детонатора. В этом случае должен был реализоваться план «Б» – агент входит в помещения, ликвидирует собственноручно персонал из выданного ему на этот случай пистолета с глушителем, далее в ручном режиме подключается в магистраль, ведущую к зарядам, и устанавливает детонатор номер два. Но такой случай был крайне маловероятен, хотя и просчитывался тоже.

– Данные все собраны, я полагаю?

– Да, господин Карпентер, я обошёл всю лабораторию, собрал все диски, флешки, техническую документацию на бумаге, извлёк винчестеры из системных блоков, забрал все пробирки с наработками. Вам их должны передать через наших дипломатов – груз был отправлен также в соответствии с инструкциями по линии МИДа.

– Да, мне уже всё передали, потому я вас и вызвал, – кивнул Карпентер, – однако пока мне не предоставляли отчёта по аналитике, это займёт как минимум сутки – сейчас люди работают над изучением полученных данных по каждому из сотрудников лаборатории. Сам я этим, как ты понимаешь, не занимался.

– Да, сэр. Понимаю. Тогда чем я могу вам помочь в данном случае?

– Видишь ли, дорогой Скотт, – Джон поднялся с места и подошёл к окну, – есть одна небольшая проблема... которая

может перерасти в большую. А именно – мы не знаем, где сейчас находится личный ноутбук господина Левинсона. Ты понимаешь, чем нам это может грозить?

– В теории – международным скандалом, однако никто же не пострадал... да, неприятно, но не катастрофа вселенского масштаба.

– Ты так считаешь? Несколько поражает твоя беспечность, – Карпентер был недоволен ответом, но в целом нечто похожее и ожидал – Скотт был не в курсе того, что вирус уже распространился за пределы лаборатории. Джон пока ничего не говорил, лишний раз проверяя, успел ли кто-нибудь проболтаться внутри ведомства или пока информация хранится втайне от чужих ушей.

– Подобные вещи случались и ранее. Всегда можно сказать, что мы работали над вакциной или изучением вируса, а в ООН нас поддержат. Замять не будет большой проблемой, потому как лаборатория находилась на территории Европы, а европейцы сделают ровно так как мы им скажем. А уж украинцы и подавно. И потом – ноутбук зашифрован. Если он попадет в руки обычного гражданина, а это случится с вероятностью в девяносто девять процентов и девять после запятой, то взломать его будет не так-то просто. После трёх неправильных вводов пароля ноутбук встанет в блок. А при несанкционированной попытке входа в BIOS или изменении пароля учётной записи операционной системы без разрешения нашего IT-отдела данные самоуничтожатся. Я полагаю, если

ноутбук и попадёт в чьи-то руки – то это будут руки какого-нибудь мелкого воришки или случайного обывателя.

– Послушай, Скотт. Я слишком долго работал на ЦРУ, чтобы научиться не доверять случайностям. И поверь, такого насмотрелся... Если у тебя есть 99% вероятности успеха – то будь уверен, что вероятность попадания впросак будет не равна оставшемуся одному проценту. Я не знаю, как это работает, но это работает. А что будет, если ноутбук попадёт – или уже попал, будучи украденным – в руки спецслужб страны – вероятного противника? К китайцам или русским? Или хотя бы в руки генералов Моссада, которые будут нам потом ещё одним козырем яйца выкручивать? Ты думаешь, у них нет специалистов по криптографии, которые могут взломать любую защиту на каком-то ноутбуке? Лично я так не думаю.

– Я согласен с вами, господин Карпентер, однако всё же рискну предположить, что ноутбук не украден, а находится где-нибудь в камере хранения аэропорта или на складе невостребованного багажа... или в отеле, где жил Левинсон.

– В отеле точно нет – Левинсон бы не уехал без ноутбука, он очень внимательный человек и рассеянностью не страдал никогда. Слишком долго и хорошо я его знаю. Хотя проверить мы всё равно должны. Даже гаубица раз в сто лет осечку даёт. Сейчас этим занимаются.

Карпентер замолчал и погрузился в задумчивость, стоя возле окна, ведущего во внутренний двор и глядя на копошащихся внизу людей.

– Скажи-ка, Скотт, что тебе известно о Левинсоне на данный момент? – нарушил паузу Джон, решив расспросить агента Моргана прямо в лоб. Профессиональная деформация сотрудника разведуправления, привыкшего сидеть на секретной информации, заставляла Джона не только подозревать всех и вся, но и выдавать любые данные порционно. Любой психиатр назвал бы это паранойей, но Джон считал подобный подход лучшим, что может наработать сотрудник ЦРУ за свою трудовую практику.

– Кроме того, что он мёртв уже двое суток – ничего, но это сказали мне вы, – честно ответил Скотт. Он и правда ничего не знал, но судя по разговору, было ещё что-то важное.

– Ну тогда слушай. Левинсон подхватил заразу в лаборатории и вынес её наружу. До нас он не долетел и умер во Франкфурте, предварительно заразив – как мы предполагаем – несколько человек. Его ноутбук, скорее всего, был сдан в багаж в аэропорту. Это нужно ещё проверить, сейчас люди этим занимаются. Если это так, если ноутбук с записями действительно в багаже – тогда проблем нет, мы его заберём. Если же он где-то еще, потерял ли, украден – неважно, то тогда придётся подключать людей в регионе и искать очень активно. Считай, что у нас большие проблемы. И главная проблема заключается не в утечке данных, а в том, что вирус уже распространяется как минимум по Европе. Вирус очень опасен, легко передаётся между людьми и животными, протекает очень быстро, а летальность – из того, что пока знаю

я, составляет сто процентов. Левинсон должен был сделать доклад по прилёту, но теперь все детали унесены им в могилу. Ты понимаешь, почему мы должны любой ценой получить эти данные?

– Да, сэр. Каков масштаб проблемы, как вы думаете? Чтобы понимать...

– Для Европы это пахнет очень серьёзными последствиями. Для нас... для нас тоже, увы. У нас в запасе просто времени чуть больше.

– Тогда каковы наши действия? Я так понимаю, вы именно меня позвали сюда не просто чтобы поделиться информацией? – Скотт уже понимал, куда клонит Карпентер.

– Конечно, не просто так. Я хочу, чтобы ты лично возглавил оперативную группу, которая будет заниматься поисками данных в Европе и контролировать процессы. Ты занимался безопасностью проекта, ты и доведи дело до конца.

– Я вас понял. Тогда вопрос: если вы это знаете, какие были предприняты меры для устранения угрозы? Вы кого-то оповещали в Европе? – Скотт пока не очень понимал, что происходит и пытался сложить целостную картину, чтобы выработать план действий.

– В Европе я никого не предупреждал, конечно же. Однако наша дорогая Оливия успела позвонить никому Михаэлю Боку, санитару клиники «Нордвест» во Франкфурте. Это мы узнали, прослушав её телефонные разговоры. Она очень подробно изложила суть проблемы, а вот что предпри-

нял господин Бок – нам доподлинно неизвестно. Однако, что я знаю точно – это то, что немецкое правительство никак пока не среагировало. Либо господин Бок халатно отнёсся к полученной информации или вообще не поверил ни единому слову, либо наши немецкие друзья очень медленно реагируют в принципе. По крайней мере, запросов от них пока не поступало.

– А по США? Есть какая-то информация?

– Насколько мне известно, – Карпенгер указал на себя пальцем, акцентируя внимание именно на личную осведомленность, – в США ещё нет случаев заражения, и скорее всего, вирус пока начал распространяться по Европе и в границах её. Однако это вопрос очень короткого промежутка времени, потому как межконтинентальные перелёты никто не отменял. Поэтому я, конечно же, предупредил кого нужно, и наше правительство должно начать принимать самые радикальные меры в ближайшее время. Если ещё не начало.

– Ну, хорошо. Ноутбук с данными мы, допустим, разыщем. А моя роль здесь какова?

– А твоя роль, дорогой Скотт – отслеживать те процессы, которые будут происходить в Европе в ближайшие дни. Если надо – задействуй людей на местах, по любому вопросу. Тебе будут даны все необходимые полномочия. Главные задачи сейчас – сбор данных, контроль поступающей информации, а также – возьми на себя эвакуацию наших сотрудников и членов их семей в США. Свяжись с диппредставитель-

ствами, сообщите им о необходимости отозвать людей. Это будет выглядеть как минимум странно, я понимаю, но если всё пойдёт по плохому сценарию – а в этом я не сомневаюсь – это будет неважно.

– Ну хорошо, сэр, но я не очень понимаю – если начнётся суматоха, то кому какое дело будет до данных в ноутбуке? Затеряется он или нет – если всё так плохо, как вы думаете, то некому и незачем будет этим заниматься.

– Вопрос вполне логичен. Однако я не провидец и не знаю наперёд, насколько быстро можно будет разрешить возникшую проблему – это во-первых. В ноутбуке есть уникальные данные, которые имеются на руках только у Левинсона и ни у кого больше, это мне известно доподлинно – это во-вторых. А в-третьих, и самое главное, если по миру прокатится волна смертей от неизвестной болезни, а потом вскрыется, что в этом виноваты мы...

– Я вас понял, сэр. Дальше можно не объяснять. Займусь этим сейчас же, – Скотт тяжело вздохнул, понимая, что плакал его отпуск и поездка на Гавайские острова с семьёй, запланированная ещё задолго до приезда назад из командировки. Хорошо, билеты выкупить не успел, а только собирался по прилёту, потому как ещё два дня назад не знал когда удастся освободиться.

В дверь постучали. На пороге появилась женщина в годах, уже долгое время работавшая в оперативном центре координации международных операций ЦРУ.

– Здравствуйте, Маргарет, – улыбнулся Джон, – вы сегодня отлично выглядите, как всегда. Что у вас? Есть новости?

– Спасибо, Джон, – также тепло улыбнулась Маргарет, – да, кое-что нашли. Но... – она кивком головы указала на Скотта.

– А, не переживайте, – отмахнулся Джон, – Скотт с сегодняшнего дня возглавит группу координации по биоразработкам в Европе и будет работать с вами в связке. Поэтому смело информируйте его точно так же, как и меня. Его задачей будет не только сбор информации о новых... ну вы знаете, обстоятельствах, но и оперативные мероприятия по оповещению на местах и подготовке к эвакуации.

– Хорошо. В общем, в отеле, где останавливался Левинсон, ноутбук не обнаружили. Мы также запросили службы аэропорта в Германии по багажу. В ночь с 23-го на 24-е по местному времени неостребованного багажа на рейсе Киев–Франкфурт не было. Левинсона также привезли на скорой без багажа. Но что характерно – один неостребованный чемодан прилетел из Ливии и его не забрали.

– Есть связь? Или случайность?

– Я не могу сказать точно, сэр. Однако предполагаю, что связь самая прямая. Выдача багажа из Ливии осуществлялась на транспортёр в зоне С1, а выдача багажа из Киева – на транспортёр С2. И Левинсон должен был получать свои вещи, потому как рейс был не транзитным, а выполнялся двумя разными авиакомпаниями.

– То есть вы хотите сказать, – сделал нехитрый логический вывод Карпентер, – что кто-то перепутал транспортёры и забрал чемодан Левинсона по ошибке? Или его всё же украли?

– Именно так, Джон. Вы как всегда проникательны. Зоны С1 и С2 находятся рядом, напротив друг друга. Более того, мы не просто уточнили по багажу, но и запросили наших коллег из Интерпола, чтобы они изъяли видеозаписи из аэропорта. Интерпол сработал очень быстро, видео прислали полчаса назад, мы всё очень внимательно изучили, и пришли к выводу, что некий гражданин и правда перепутал – случайно или нарочно – конвейеры выдачи, и взял чужой чемодан. Я даже более того скажу, в этом мы уверены практически на сто процентов, потому как судя по видео – чемоданы были и правда одинаковые... ну или очень похожи. Это человеческий фактор в чистом виде.

Карпентер был, в общем-то, не удивлён. Подобные вещи, в том числе в агентурной работе, встречались нередко. Иногда данные даже из рук в руки передавались не тем людям, не говоря уже о случайного рода третьих сторонах игры в лице вот таких вот непонятных персонажей, которые путали все карты. Тем не менее, за свою практику он насмотрелся такого, что к случайностям относился очень скептически.

– Вы установили, кто это был? – спросил Скотт.

– Установили, – утвердительно кивнула Маргарет, – это было несложно сделать, методом исключения. Мы запроси-

ли данные владельца невостробованного багажа, и нам сообщили, что это некий Дмитрий Вознесенский, гражданин России, уроженец города Москвы. Летел из Ливии в Россию, со вчерашнего дня находится в Санкт-Петербурге, адрес пока неизвестен, но мы обязательно его найдём через наших агентов там.

– Ну, что же, – подытожил Карпентер, – я предполагаю, что проблем быть не должно. Свяжитесь с этим... Вознесенским, и скажите что он забрал чужие вещи, пошлите человека, пусть вернёт чемодан. А что касается его барахла – отправьте курьерской службой.

– Хорошо. Так и сделаем. На месте тогда попрошу, чтобы узнали его номер телефона, мы с ним свяжемся.

– Да, но попробуйте также узнать, не вскрывал ли он чемодан, не пытался ли включать ноутбук... ну, вы сами знаете. Если всё нормально – то просто забирайте. Если нет – решите вопрос через наших людей в «Сильвер Хилл».

– Господин Карпентер, – вмешался Скотт, – я всё же считаю, что лучше сразу подключить «Сильвер Хилл», потому как кто знает, насколько это опасно, и не будет ли утечки информации в том или ином виде.

– Делай как сочтёшь нужным, – согласился Карпентер, но прямого ответа не дал. Джон не хотел брать на себя ответственность за действия спецов из подконтрольной ЦРУ организации в Москве. Он был аналитиком и куратором проектов по теме биоразработок, а возиться с акциями прямого

действия... пусть это делает кто-нибудь другой.

– Хорошо, сэр. Приступаю, – Скотт поднялся со стула и вышел из кабинета, на ходу доставая мобильник. Он лично знал того, кто возьмётся за это дело и обязательно доведёт его до конца.

25 апреля. Москва. Алекс «Шилд» Эндрюс.

Алекса вырвал из сна поздний вечерний звонок. На дисплее простого кнопочного телефона вместо цифр отобразилась надпись «номер неизвестен», что могло означать только одно: звонят по важному и, вероятно, срочному вопросу, причём известно откуда. Шилд выругался про себя, сел на кровати, приходя в чувство, и посмотрел на часы. Было около полуночи. Затем он взял телефон с прикроватной тумбочки, и ответил на звонок:

– Алекс слушает. Говорите.

– Алекс, привет, дружище! Это Скотт Морган, – раздался из трубки бодрый голос, – извини, что так поздно, но я только что от Карпендера, и мне нужно с тобой поговорить. Сколько там у вас?

– Ты как всегда не вовремя, мой дорогой друг, – усмехнулся Шилд, – уже полночь почти, я только заснул недавно. Как твои дела и что стряслось?

– Дела... ну как, кроме рабочих моментов – в целом неплохо. Я сейчас в США, вернулся из командировки. Пото-

му и не звонил, что оттуда, где я проторчал последние полгода, нельзя было, сам понимаешь.

– Да, ты мне говорил, что где-то в Восточной Европе будешь сидеть в течение длительного срока, но вроде как речь шла что-то о годе или около того. Раньше освободился?

– Да уж, раньше... собственно, поэтому и звоню тебе. Не по плану пошла моя командировка, и руководство хочет тебя подключить для решения некоторых вопросов.

– Так-так... и что же конторе от меня надо? Я даже заинтригован, – Алекс не сказать чтобы обрадовался новой работе как таковой, которую ему, вне всяких сомнений, планировал подкинуть Скотт, а скорее хотел оказаться задействованным в чём-то интересном с профессиональной точки зрения. Потому как последние пару лет занимался совершенно скучными и угнетающими задачами, пусть даже за них и очень хорошо платили. Да и от России с её довольно поганим климатом, унылой серостью и холодами начал порядком уставать. Хотелось отвлечься на что-то динамичное. И Алекс нутром чуял, что ему позвонили не по пустяку. ЦРУ не стало бы дёргать просто так, по мелочам – своих людей здесь вполне хватает.

– В общем, проект, в котором я участвовал, закрылся неудачно. Будут последствия, обязательно. Сейчас контора чистит концы, потому как если вскроется, что в проекте были замешаны мы по указанию некоторых правительственных лиц – случится большой политический скандал со вполне

понятными выводами.

– Учитывая, как и что ты мне говоришь, осмелюсь предположить, что особенных подробностей не будет и мне не имеет смысла тебя расспрашивать о чем-либо более детально?

– Не имеет смысла расспрашивать, верно. Я не могу тебе сказать всё по вполне очевидным причинам, – согласился Скотт, – просто озвучу задачу и внесу ясность в ряд моментов – ровно там, где это возможно и целесообразно. Идёт?

– Идёт, – согласился Алекс. Он прекрасно понимал, чем занимается Скотт и о какой теме идёт речь, а также не был праздным любопытным дураком, чтобы подобные вещи обсуждать по телефону. Пусть даже по защищённому каналу связи.

– Тогда слушай. Произошла утечка информации по делу государственной важности. ЦРУ встревожено, потому как эта информация вышла за пределы круга посвящённых лиц сразу в нескольких местах. Хвосты в центральной Европе обрубить не будет особой проблемой, я полагаю. Однако есть угроза по твоему региону. Примерно сорок пять часов назад наш агент, курировавший некие... исследования, умер в аэропорту Франкфурта. С собой он вёз ноутбук с важными данными. Не довёз. Благодаря случайному стечению обстоятельств, груз перехватил гражданин России, который летел из Франкфурта в Санкт-Петербург. Данные по пассажиру удалось установить. Это некий Дмитрий Вознесенский, ро-

дом из Москвы. По нему известно пока немного, наши люди пробивают его по всем возможным базам, включая полицию и ФСБ в России. Позвонили кому надо, и я думаю, что в течение пары часов мы получим более полную информацию от местных служб.

– Подожди-ка, – перебил Скотта Алекс, – а вы не боитесь, что случайное стечение обстоятельств было не случайным, и ваш ноутбук перехватил не мимо проходящий пассажир, а агент российской разведки? И вы сейчас задействуете ваши контакты в полиции и ФСБ в России, по сути, раскрывая карты заранее?

– Нет, Алекс, не боимся. Во-первых, наши контакты в полиции и ФСБ – глубоко коррумпированные офицеры, которые точно не имеют и не могут иметь никакого отношения к внешней разведке, а во-вторых – они у нас на крючке, и потому с нами сотрудничают в том числе. Даже если им что-то вдруг станет известно, в чём я очень сильно сомневаюсь, то они будут молчать. В противном случае, угодят за решётку по статье за государственную измену, лет на двадцать. Что до агента разведки – предположение могло бы быть верным, если бы не одно но: мы проверили видеозаписи из аэропорта – человек банально перепутал багаж. Он ехал с таким же чемоданом, как и у нашего коллеги. Собственно говоря, потому мы и вычислили его так быстро. Свой багаж он забыл, и чемодан оказался на складе хранения невостребованных вещей. Если бы он был русским агентом СВР или ФСБ, он

бы как минимум поехал налегке.

– А если это сделано для отвлечения внимания?

– Возможно. Но схема слишком сложная и не имеет смысла, как по мне. Проще было перехватить напрямую, без цирка с чемоданами.

– Знаешь, Скотт, я вообще не сильно верю в случайности. И поскольку я не знаю, с кем имею дело – а вполне возможно, что со спецслужбами – то выкладывай-ка ты всё что знаешь. Я не хочу рисковать жизнями своих людей, а собственной жизнью в особенности, если придётся столкнуться со спецами. У русских, что ни говори, спецслужбы одни из лучших в мире, наравне с ЦРУ и Моссадом. Как аналитики, так и полевые агенты. Поэтому лучше говори сейчас, чем что-то эдакое потом вскроется по ходу дела.

– Алекс, я тебе рассказал ровно то, что мне известно. А известно мне немного. Но я на сто процентов убеждён, что наш клиент не принадлежит к спецслужбам. Вопрос лишь в том, что ноутбук могут российские спецслужбы перехватить, и поэтому нам нужно успеть сделать это первыми. Попробуйте убедить Вознесенского отдать не принадлежащую ему вещь по доброй воле. А если не захочет – ликвидируйте и заберите.

– Что в ноутбуке? И о чём речь идёт, в конечном счёте?

– Извини, я тебе этого сказать не могу, потому как сам толком не знаю.

Алекс раздражённо выдохнул в трубку. Он всегда был ло-

гиком и сильным аналитиком и терпеть не мог уравнения с неизвестными, которые не удавалось просчитать.

– Знаешь, Скотт, ты уж меня извини, но я за это дело браться не буду, не имея расклада на руках. Лет пятнадцать назад – наверное, да. Но слишком много я повидал дерьма, чтобы бросаться в омут с головой и рисковать своими бойцами. Извини, вам придётся найти кого-то другого. – Алекс Эндриус блефовал. Он прекрасно понимал, что самым удобным вариантом для ЦРУ, пусть и не единственным, является «Сильвер Хилл». Шилд не торговался и не пытался набить себе цену, но он хотел понимать с чем имеет дело и минимизировать возможные риски. Шилд не был трусом, но всегда осторожничал в планировании операций. Именно поэтому он, профессиональный солдат, имевший за плечами богатый послужной список, дожил до своих сорока пяти лет в относительно добром здравии. А многие его сослуживцы, жившие по принципу «делай сейчас, думай потом», давно кормили червей в земле в разных уголках земного шара.

– Алекс, я тебе максимально честно говорю: я не знаю всех подробностей. Карпентер мне буквально полчаса назад рассказал общую идею, не более того. Но чтобы ты понимал, я тебе скажу такое, что ты никому не должен потом рассказывать. Речь идёт о данных по биологической лаборатории в Киеве. И так получилось, что оттуда произошла не только утечка вируса, но и утечка данных. И мировое сообщество, особенно наши геополитические противники, не должно знать, кто за-

нимался разработками и кто виноват.

– Виноват в чём и насколько всё серьёзно?

– В общем, как сказал Карпендер, там какая-то зараза вышла за пределы лаборатории и вынес её на себе как раз наш человек. Основной очаг возник в Германии, в аэропорту Франкфурта, но куда ещё успела распространиться болезнь, нам доподлинно неизвестно. Предполагаю, что учитывая темпы миграции между странами, уже много куда. Более точные данные будут чуть позже. И ноутбук принадлежал специалисту по вирусологии, соответственно все наработки внутри. Сам компьютер защищён паролями, в него встроена сложная система аутентификации с алгоритмом уничтожения данных. Если техника попала в руки обычному гражданину – в этом нет особой беды, нужно просто перехватить её и всё. Однако основная задача сейчас состоит в том, чтобы сделать это быстро. Вы же прекрасно понимаете, что у русских работает, во-первых, разведка и контрразведка, а во-вторых, они ведут наблюдения за всеми проектами по соседству со своими границами, если о существовании подобного рода объектов есть хоть какие-то намёки. Да и мало кто из агентов разведок работает только на одну страну. Информация может уйти сотней различных способов, включая передачу напрямую информаторами в наших ведомствах. То что в ЦРУ есть кроты – это сто процентов. Когда они получают данные для дальнейшей передачи в СВР или ФСБ – это лишь вопрос времени. Если русские доберутся до этих данных –

поверь, они найдут специалистов по дешифровке и криптографии, взломают все пароли и заберут всё что можно.

– Я понял тебя, Скотт. В общем, моя задача – найти этого человека и забрать у него ноутбук. Дальше что мне с ним сделать? Передать через ваших дипломатов?

– На этот счёт у меня нет чётких указаний. Однако если в ближайшие дни начнётся неразбериха, в чём я не сомневаюсь, то никакие дипломаты никуда не полетят. Я даже больше того скажу, сегодня речь также шла об эвакуации сотрудников дипмиссии и наших рядовых граждан из России в США. Если это не просто разговоры, то скорее всего дело более чем серьёзное. Поэтому когда найдёшь ноутбук – позвони, разберёмся, что с ним делать. К тому времени станет понятно, нужны нам эти исследования или жёсткий диск можно будет уничтожить. И ещё, Алекс: я тебе этого не говорил, но подозреваю, что в США со дня на день начнётся. Позвони родным и близким, скажи чтобы уезжали из крупных городов на время.

– Неужели всё настолько серьёзно? Что это за вирус хоть?

– Я не знаю точно. Карпентер сказал лишь, что он очень заразный. И летальность на данный момент сто процентов по результатам исследований в лаборатории. Пусть выборка небольшая, но это серьёзный аргумент.

– Хорошо. Тогда я посчитаю, сколько выйдет по стоимости вся операция, и пришлю тебе на почту счёт. При раскладе «приехали и забрали» будет одна сумма, если же придётся

ликвидировать Вознесенского – другая. Много людей нам не понадобится, я думаю. Мне нужна пара дней на всё. И действовать я начну завтра утром. Сейчас ночь на дворе, и всё равно те, кто мне чем-то сможет помочь, уже спят.

– Договорились. Пришли счёт, деньги не проблема. Нужно сделать быстро и чисто, – согласился Скотт, прекрасно понимая, что сейчас финансовый вопрос роли не играет. Это Алекс ещё не до конца понял, что происходит. Он был далёк от всего этого, обычный солдат и наёмник.

Алекс Эндриус попрощался и закончил звонок. Дело не слишком серьёзное – так, больше беспокойства. Но ничего. ЦРУ очень заинтересовано в возврате принадлежащей конторе вещи, поэтому можно будет запросить оплату в два или три конца. Проглотят, оплатят, и придут за добавкой. Всё равно никого в России надёжнее и ближе, чем «Сильвер Хилл», для выполнения деликатных заданий у них нет.

Алекс больше всего на свете любил две вещи: войну и деньги. Он был профессиональным воином, прошедшим огонь и воду. К своим сорока пяти годам он уже успел отслужить в морской пехоте США, повоевать в Афганистане, затем были три командировки в Ирак, после он работал некоторое время инструктором по огневой подготовке в Грузии. Когда в Грузию вошли русские – пришлось спасаться позорным бегством, потому как грузины оказались абсолютно бестолковыми воинами, а русские буквально за три дня дошли до пригорода Тбилиси. После Грузии почти сразу была

Африка, где Алекс занимался охраной конвоев миротворческой миссии. А потом – Украина, куда Шилд поехал в составе группы инструкторов, обучать армию нового правительства воевать против сепаратистов на востоке страны. В то же время вместе со своими товарищами по оружию Алекс вышел на руководителей частной военной компании «Сильвер Хилл», отпочковавшейся от уже тогда дискредитировавшей себя «Блэкуотерс». «Сильвер Хилл» как раз набирали военных специалистов в штат для работы в России. Компания официально зарегистрировалась в Москве как частное охранное предприятие, имела свой офис и занималась по большей части охраной бизнесменов и сопровождением ценных грузов. О деятельности «Сильвер Хилл» прекрасно знали в ФСБ, однако не предпринимали никаких ограничивающих действий по одной простой причине: ЧВК «Сильвер Хилл» являлась посредником в переговорах по ряду вопросов между ФСБ и ЦРУ. Это было удобно для всех трёх сторон: и для русских, и для американцев, и для самой ЧВК, получавшей достаточно щедрое финансирование помимо отдельных выплат по сделкам. В России «Сильвер Хилл» вела себя довольно прилично, за исключением пары моментов, на которые российские спецслужбы закрыли глаза. Поэтому каких-то особенных вопросов к деятельности «охранного предприятия» у локальных властей не было.

Сам Алекс Эндрюс попал туда сначала в роли инструктора, а потом, очень быстро доказав, что является чем-то боль-

шим, чем простое мясо, пусть и профессиональное, поднялся по карьерной лестнице до роли заместителя директора. Директор же в России был скорее подписывающей рукой и решал ряд административных вопросов, поэтому функция подбора и найма, а также некоторые коммерческие вопросы, легли на Алекса. В итоге Шилд быстро стал «серым кардиналом», фактически управлявшим компанией. Тем не менее, офисная работа была для него слишком скучна, и многие задания «в полях» Эндриус возглавлял лично.

Учитывая, что вся американская военщина была заточена на две трети для противостояния России и на одну треть – Китаю, потому как больше геополитических противников у США не было, Шилду по роду профессиональной деятельности пришлось выучить русский язык, на котором он достаточно сносно разговаривал. Хотя русских Алекс не любил, несколько раз сталкиваясь с ними в боях в разных уголках мира, он не мог не признавать высокого профессионализма как российских военных специалистов, так и российской разведки. Шилд точил зуб на русских спецов не только из-за нескольких неприятных эпизодов в собственной карьере, но и за своего отца, бывшего военного лётчика, который был сбит русским асом-истребителем в воздушном бою и потом три года просидел в плену во Вьетнаме и вернулся домой инвалидом. Да и профессиональный вызов, чего уж тут...

Алекс прошёлся по комнате, бесшумно ступая по ковру, и

выглянул в окно. Над Москвой стояла ночь. Извечные пробки уже пару часов как растворились, и по набережной Яузы спешили куда-то редкие автомобили. «Красивый город, жаль только не родной» – подумал Алекс. Ему нравился ритм мегаполиса. Шилд был человеком энергичным и сильным, и поэтому Москва наполняла его. В родном Уайт-Рок в Британской Колумбии жить – скука смертная. Ничего не происходит, сонное царство. Постоянно хочется либо спать, либо пить. А здесь – движение, агрессивный напор, энергии. Этот город любят бойцы, он не для травоядных. Самое то.

Прошёл на кухню, открыл дверцу холодильника. Типично холостяцкий набор: готовые блюда, пара подложек с мясными нарезками, хлеб и бутылка бурбона. Его Алекс предпочитал пить холодным. Шилд достал бутылку, плеснул напиток в стакан, и сел за стол. Сон как рукой сняло. В этом возрасте и при таком уровне стресса просто так лечь на кровать и заснуть было делом довольно непростым. Алекс периодически страдал бессонницей, вызванной тревожностью – всё же многолетняя работа на очень специфическом поприще давала о себе знать. Что успокаивало – это сто граммов виски или бурбона на ночь. Дистилляты почти всегда клонили в сон, и бутылка лежала в холодильнике именно на такие случаи.

«Ну что же, не мир пришёл я принести, но меч», – ухмыльнулся Алекс и полез в записную книжку смартфона. Кнопочный телефон, по которому звонил Скотт, использо-

вался только для служебных звонков из ЦРУ, и не более того. Причём номер телефона был не одиннадцати- а тринадцатизначным – две лишние цифры на конце гарантировали, что никто случайный не попадёт на владельца в самый ненужный момент. Алекс набрал номер своего помощника – Дмитро Цуцуряка, бывшего боевика УНА-УНСО, а ныне – наёмника ЧВК «Сильвер Хилл». Цуцуряк был абсолютным отморозком и военным преступником – то, что нужно для решения ряда непростых задач. Такие люди как Дмитро обычно не мучаются угрызениями совести, особенно работая в ненавистой им стране.

– Дмитро слушает, – ответил Цуцуряк на звонок. Голос холодный, неприятный, дребезжащий. Даже Шилд, повидавший немало откровенно неприятных людей за свою непростую жизнь, не хотел бы встретиться лишний раз со своим коллегой в тёмной подворотне.

– Здравствуй, Дмитро. Работа есть для вас. Бери завтра Арутюяна и Сучкова и в офис к восьми утра. Дело достаточно срочное. Нужно будет найти одного человека.

– Понял. Буду, – и отключился. Никаких вопросов. Задача поставлена, и этого достаточно.

Алекс прошёлся по кухне туда-сюда в раздумьях. «Интуиция меня, по всей видимости, подвела», – подумал он, – «надеялся, что что-то серьёзное будет. Ну да ладно, в следующий раз». Посмотрел на себя в зеркало. В полумраке комнаты со стены на Алекса глядело его отражение. Здоровый, се-

рвѣзный мужчина, в отличной физической форме для своих лет. Сила и выносливость – главное для профессионального воина, Алекс это понимал отчётливо, и даже годы сидения в офисе не превратили его в аморфное, обрюзгшее нечто, как это часто бывает у мужчин в его возрасте. Небольшой живот есть, куда ж без этого, но в остальном – силѣн, энергичен и готов к бою. Да, не такой орѣл, как двадцать лет назад – все же сказываются годы и несколько ранений, да и повреждѣнное колено выдаѣт себя в виде легкой хромоты на левую ногу. Но ещё вполне огурцом. А лысину на всю голову скрывает парик. «Не первой свежести кавалер, прямо скажем, но терпимо, жить можно» – заключил он.

Алекс поднял стакан, подмигнув своему отражению, и одним махом опрокинул оставшийся полтинник себе в рот. Несмотря на то, что дело предстоит довольно плѣвое, где-то в глубине души Шилд чувствовал, что грядѣт что-то серьёзное. Он не мог понять, что конкретно, и связано ли это вообще с клиентом, но какое-то лёгкое чувство – не тревожности, нет – скорее тоски, его одолевало в этот час. Трудно было это объяснить рационально. Эндриус редко ошибался в своих ощущениях. Постоянное хождение по лезвию обострило чувство, и интуицию – голос души или подсознания, кто знает, как правильно – он развил за годы военной и околовоенной жизни невероятно. И свой позывной – «Шилд», то есть «Щит», он получил вовсе не за героический огонь на себя или что-то подобное, как может сперва показаться, а

за свою потрясающую чуйку, не раз спасавшую Алекса и его сослуживцев в трудные времена.

26 апреля. Москва. Офис ЧВК «Сильвер Хилл».
Алекс Эндрюс.

Утром ответственная группа собралась в офисе раньше обычного. Уже в восемь все четверо были на месте. Остальные сотрудники приезжали сюда по ситуации, чаще всего с отчётом о командировках, поэтому держать большое помещение смысла не было – ограничились двумя комнатами в переделанном под офисы блоке из восьми квартир в старом доме на Садовом кольце. Остальные бойцы, а их насчитывалось несколько десятков на регион, были кто где. Часть сейчас работала в качестве охраны в России, часть занималась тренировками различных силовых формирований на территории бывшего СССР, но большинство находилось на бессрочном отдыхе, ожидая сбора по тому или иному контракту. Наёмники были расквартированы в основном в московском регионе, поближе к штаб-квартире и одному из крупнейших транспортных и логистических центров в Евразии. Сейчас в столице и области насчитывалось чуть больше двадцати человек основного состава, и ещё пара десятков «диких гусей» – наёмников на ситуационных делах, эдакий военный аутсорс. Эти люди привлекались к делам тогда, когда не хватало бойцов и нужно было увеличить численность

контингента для выполнения определённых задач.

Трое серьёзного вида вояк сидели за полукруглым столом напротив Алекса и пили кофе. Цуцуряк был назначен командиром звена из трёх человек. В него вошли, помимо самого Дмитро, ещё двое – Антон Сучков, бывший боец спецназа ГРУ, уволенный за пьянство около десяти лет назад, но позднее поборовший пагубную привычку, и Вадим Арутюнян – крупный армянин, также кадровый военный вооружённых сил России в прошлом. Оба были не на самом лучшем счету у Минобороны, но прекрасно зарекомендовали себя на поприще частных военных операций. «Сильвер Хилл» дала не только хлеб, но и применение военным навыкам и возможность заниматься тем единственным, что сотрудники компании умели в этой жизни – войной.

Алекс не питал насчёт своих солдат никаких иллюзий. Когда он воевал в составе кадровой армии родной страны, у него и его сослуживцев была идея, патриотизм и приверженность делу. Наёмник же по своей психологии – полупреступник с оружием, идущий воевать и убивать за деньги. Первый кандидат в предатели, когда запахнет жареным, да и зачастую в частные военные компании шли совершенно отмороженные элементы, не имевшие ни принципов, ни идеалов, ни тем более любви и сострадания к ближнему своему. Идти на сделку с совестью и менять её на деньги могут только две категории людей – либо преступники, потенциальные или состоявшиеся, либо нашедшие себя здесь идейные патрио-

ты, которые попросту оказались не устроены в мирной жизни. Впрочем, ко второй категории трое солдат, сидящих за столом напротив, не относились никоим образом. Поэтому Шилд чётко понимал: если бойцы начнут представлять угрозу компании или её членам, а в особенности самому Алексу своим поведением, он без зазрения совести избавится от них любыми доступными способами.

Алекс открыл ноутбук. На почту ещё ночью пришли данные о разыскиваемом клиенте. Шилд подключил к ноутбуку кабель от телевизора, и на большом экране появилась фотография Дмитрия Вознесенского.

– Итак, господа. Это наш клиент, которого необходимо найти. Его зовут Дмитрий Вознесенский. Он живёт в Москве, адрес указан здесь, запоминайте, – Шилд кнопкой на пульте переключил изображение на следующий слайд и на экране появился разворот паспорта Вознесенского, – вы съездите туда сегодня и проверите квартиру. Мы ищем сумку с ноутбуком. «Делл» в металлическом корпусе, большего я не знаю.

– Что в ноутбуке? – Спросил Сучков, кивнув на экран.

– Важная информация. Знать нам этого не нужно. Заказ не на Вознесенского, а на его компьютер. Ноутбук был... украден у человека нашего заказчика. Нам нужно его вернуть. Сделайте это быстро и постарайтесь не повредить груз.

– С этим что? – спросил на этот раз Цуцуряк, пристально вглядываясь во вновь появившееся на экране фото Воз-

несенского. Взгляд у Дмитро был очень неприятным и многообещающим. Цуцуряк люто ненавидел русских, как и положено любому «бандеровцу», хотя зачастую казалось, что он просто ненавидит весь окружающий мир, просто кого-то чуть больше чем остальных.

– Послушай меня внимательно, Дмитро, – медленно и чётко сказал Алекс, – ты должен понимать, что за западной ЧВК в любом случае следит ФСБ. Нас здесь терпят и не разгоняют только по одной причине: им удобно видеть в нас посредника между русскими спецслужбами и боевым подразделением ЦРУ по операциям в Европе. Но если мы здесь будем заниматься откровенным криминалом, то лавочку прикроют очень быстро. Это тебе ясно?

– Ясно, – сквозь зубы процедил Цуцуряк, – а какие есть допущения по ходу задания?

– Вы должны приехать к Вознесенскому и вежливо попросить у него вещь, которая ему не принадлежит. Всего вероятнее, он вам её отдаст, вы заберёте ноутбук и уедете спокойно, а потом отдадите его мне. Если начнёт сопротивляться – пригрозите, можете пару раз дать по голове, должно помочь. Тем более, едете туда втроём. Не думаю, что Вознесенский идиот. Ну а в крайне маловероятном случае угрозы выполнению задания – разберётесь, что с ним делать. Но до этого дело не дойдёт, я практически уверен.

– Если в квартире его не окажется, тогда что делаем? – спросил Дмитро.

– Если его там не окажется – значит, будете его ждать до тех пор, пока кто-то из ребят вас не сменит. Мне позвоните и скажете, что никого нет, я кого-нибудь отправлю подождать – чтобы без подробностей, а вы поедете дальше искать. Второе место, где может быть Вознесенский – это на квартире у его родителей. Адрес я вам тоже скину, там полчаса езды. В квартиру не ломитесь. Сначала понаблюдайте, там он или нет. Чем меньше людей с обеих сторон будет вовлечено, тем лучше. По родителям вот данные, – Алекс открыл слайд с двумя фотографиями и выписками из паспортов, – с ними проблем быть не должно.

Внезапно на столе зазвонил телефон. Шилд взглянул на экран смартфона: звонил его информатор из ФСБ. Мелкий сотрудник на не очень ответственной должности, но имеющий, при всём при том, доступ к информационной базе. Откуда он был – то ли «сиделец» из отдела собственной, то ли экономической безопасности – Алекс уже не помнил, да и не нужно это было. ФСБшник получал ежемесячную зарплату, а в ответ предоставлял информацию о необходимых гражданах по запросу, покрывая до девяноста процентов всех нужд «Сильвер Хилл» на данный момент в части предоставления информации и физлицах и организациях.

– Да, добрый день, – Шилд никогда не называл звонящих сотрудников спецслужб по имени – он прекрасно понимал, что его или его собеседника могут прощупывать спецслужбы.

– Здравствуйте, говорит совинформбюро, – пошутил звонивший, но Алекс, далёкий от местечкового юмора родом из СССР, шутку не оценил, – я тут кое-что нарыл по вашему другу. Он не в Москве сейчас. Мне удалось пробить через своих, что он обслуживается в «Мосбанке», там я запросил выписку с его счёта, и мне сообщили, что последняя транзакция была сделана вчера поздно вечером в Санкт-Петербурге на улице Рубинштейна. Сейчас от сотового оператора жду информацию по биллингу, но подозреваю, что отслеживание по сотам на вчерашний вечер, ночь и сегодняшнее утро лишь подтвердят мои предположения. Не думаю, что он находится в одном городе, а его банковская карта – в другом, у кого-то на руках. Запрос я также сделал в заведение, которое он посещал вчера, но данные с камер пока не прислали и пришлют ли – не очень понятно. Чуть позже я постараюсь дать более полную информацию.

Шилд, ни слова больше не говоря, положил трубку. Он был вполне доволен работой ФСБшника – чётко, быстро, оперативно. А самое главное – отправил запрос ещё ночью, и ночью же получил данные по клиенту и его родственникам. Единственное, что некоторым образом путало карты – это нахождение Вознесенского в другом городе. В Питере тоже был сотрудник, но всего один. С другой стороны, навряд ли Дмитрий кого-то ждёт. Да и потом, в «Сильвер Хилл» тоже бестолковых тормозов не набирали. Справится в случае нештатной ситуации как-нибудь.

«Как знал, как знал. Хорошо быть умным», – похвалил себя Алекс за прозорливость и отправил ещё один слайд с данными на родственников Вознесенского в Санкт-Петербурге своему подчинённому, находящемуся там же. Затем позвонил ему по телефону, и коротко и расплывчато, чтобы кто-то непосвящённый, случайно что-то услышав, не понял сути дела, изложил задачу своему бойцу.

– Ну что же, – подытожил Алекс, закончив, – наш приятель сейчас в Санкт-Петербурге, им займётся Анзор на месте, данные по его родственникам я ему передал. Если Вознесенского там перехватить не удастся, то тогда его примете вы. А сейчас поезжайте к Вознесенскому на квартиру и ждите его там. Поскольку наш клиент прилетал в Петербург и до сих пор находится там, то и ноутбук при нём.

26 апреля. Санкт-Петербург. Дмитрий Вознесенский.

Дмитрий проснулся в хорошем расположении духа. За окошком распогодилось, стоял прекрасный весенний денёк, и настроение как-то само собой улучшалось с каждой минутой. В этом году повезло: весна пришла довольно рано, и конец апреля порадовал теплом, природа ожила и всё вокруг расцветало. Отличный день отпуска в прекрасном городе был спланирован до позднего вечера. Вознесенский планировал находить по Петербургу километров двадцать пять за

сегодня, не меньше. Природа, архитектура, одиночные прогулки – это то, что Дмитрий всем сердцем любил, и путешествовал он многие годы с радостью, ни секунды не жалея ни о выборе профессии, ни о выборе распорядка жизни вне работы.

Сделав лёгкую утреннюю зарядку, ещё давно введённую в систему, а затем приняв контрастный душ, Вознесенский пошёл на кухню. Дядя и тётя по отцовской линии – замечательные, добросердечные и очень интеллигентные люди, последние двенадцать лет жили в городе на Неве, перебравшись туда сначала по работе, но в итоге оставшись доживать свой век в Северной столице. К племяннику они относились с большой теплотой и всегда были рады его видеть, поэтому Дмитрий чувствовал себя как дома и старался хотя бы раз в год их навещать.

– Доброе утро, Дима, – тепло улыбнулась тётка, – а я тебе оладьи напекла, садись.

– Спасибо, тётъ Тань, оладьи – дело хорошее, – Вознесенский уселся за стол и принялся за еду. Тётка двигала к нему тарелки с разной снедью, налила чай. «Интересно, как старшее поколение – даже не военное, а послевоенное, из сороковых и пятидесятых, но выросшее в СССР и пережившее дефицит и голодные девяностые, проявляет свою любовь к детям», – думал Вознесенский, – «для них ведь именно накормить сына или внука считается проявлением наибольшей любви. Это мы, не знавшие голода, весело смеём-

ся над бабушками, которые откармливают внучат до состояния огромного хрюка, а ведь бабушки просто не знают как любить по-другому. Вот и отыгрываются через еду. Деформированная психология переживших голод, на самом деле. И смешно и грустно одновременно».

Позавтракав с родными, Дмитрий быстро собрался и вышел на улицу. Становилось всё теплее, и даже в легкой толстовке на футболку было довольно жарко. Вознесенский любил лето даже не за возможность ходить в майке и шортах, а за буйство красок и постоянно меняющуюся природу. Будучи по природе своей технарём, Вознесенский не утратил при этом и тонких настроений души, научившись видеть красоту в мелочах в окружающем пространстве. Он был благодарен судьбе за то, что жизнь научила ценить всё что есть на данный момент – ему приходилось жить и работать и в достаточно тяжёлых условиях в том числе, и пройти сквозь довольно бедные детство и юность в девяностые и нулевые – всякое было.

С удивлением отметил, что и вчера и сегодня по улицам ездит очень много скорых с мигалками, зачастую сопровождаемых полицией. И какое-то состояние тревожности среди людей будто витает в воздухе, почти неуловимое, но присутствие странным образом нарастает. Дмитрий не следил особо за новостями – так, в интернете иногда пролистывал ленту. Говорили, что позавчера какие-то беспорядки приключились в Москве, а в обеих столицах на карантин закрыли

несколько школ и детских садов – вроде как вспышка какой-то инфекции или что-то в этом духе. И данных особо не было, и новости читал вполглаза, стараясь не забивать голову всякой ерундой в свой законный отпуск.

Внезапно в кармане завибрировал телефон. На экране высветилось, что звонила Татьяна Вознесенская. «Странно, вроде виделись буквально пятнадцать минут назад» – промелькнула в голове тревожная мысль.

– Да, тётъ Тань, что случилось? – спросил Дмитрий, идя вдоль набережной канала Грибоедова давно проторенными маршрутами.

– Дима, тут какой-то человек неприятный приходил, в дверь стучал. По виду кавказец, на чеченца похож – с бородой рыжеватой и сам светлый. Ты, я знаю, с ними не водишь-ся, поэтому на всякий случай уточняю: знакомый твой или нет? Он про тебя спрашивал.

– Про меня? Вот те раз... я вообще никому не говорил где вы живёте. Более того, никто даже из друзей не знает, что я сейчас в Питере, даже оповестить никого не успел, – Дмитрий очень удивился. «Что-то не то. Как меня вот так вот легко нашли, и главное кто?» – думал он. А тут ещё кавказец какой-то, а с ними Вознесенский дел не имел принципиально и очень сильно их недолюбливал...

– Да, мне тоже как-то это странным показалось. Он пришёл буквально по твоим следам, всё расспрашивал где ты, что ты, когда был последний раз, и очень хотел с тобой по-

говорить. И знаешь, агрессивно так, я уж подумала – сейчас меня отодвинет и в квартиру вломится, очень по-хамски. Хорошо, Саша дома был, он вышел, а этот его увидел и сразу успокоился.

– Нет, тётъ Тань, я не знаю, кто это и почему он меня искал, но в друзьях у меня таких персонажей точно нет. Но спасибо что сказали.

– Дима, ты будь осторожен, пожалуйста. Лицо у него бандитское совсем было. Надеюсь, ты не влип в какую-нибудь историю?

– Да откуда... только из командировки приехал, – растерянно ответил Дмитрий, в этот момент соображая, откуда посетитель мог знать его и место проживания его родственников. «Может, это хозяин того чемодана, который я случайно с ленты прихватил? Надо бы его в аэропорт отвезти, хозяин сам не объявился, и не звонил никто пока. Хотя навряд ли... да и адрес тётки я нигде не оставлял. Очень странно».

– Ну, смотри. Береги себя. Ты когда будешь? – Татьяна была явно обеспокоена.

– Думал вечером, но теперь даже не знаю... что-то, тётъ Тань, происходит, кажется. Одни скорые да полиция в городе. Ничего не говорят? А то может я пропустил чего.

– Да, мы тоже заметили. Как в девяносто третьем, только не стреляют. Тревожно, но в новостях не говорят ничего.

– Ясно. Думаю, сейчас круг пройду и домой. Мне тоже что-то не нравится, не могу понять что. Просто чуйкой чую.

Странное такое ощущение.

Вознесенский закончил звонок и огляделся. Мимо него на полной скорости, игнорируя красный на пешеходном переходе, промчался автобус ПАЗ с ОМОНовцами и следом за ним – два «автозака» на базе ГАЗов, а завершала колонну машина ДПС со включенными проблесковыми маячками. На противоположной стороне канала вдоль набережной пронеслись две машины скорой помощи в обратном направлении, также со включёнными мигалками. «Что за ерунда... война что ли начинается? Или революция какая? «Аврору», правда, не слышал сегодня. Чёрт, какой-то дурацкий юмор в голове и ни одной толковой мысли. Допоздна точно не хожу, ну его нафиг», – заключил Дмитрий. Не успел он убрать телефон, как снова раздались гудки. На этот раз звонил его друг детства из Москвы.

– Димон, здорово! – Раздался в трубке бодрый баритон. – Ты где сейчас? Все в порядке?

– Да, привет, Лёха, привет. Рад слышать. Я сейчас в Питере, на неделю приехал. Но что-то тут как-то беспокойно, и я не могу понять, что происходит. Может, ты мне расскажешь? В Москве что слышно нового?

– Да тут такое! Я тебе по этому поводу и звоню. Хрень какая-то, если честно. Ментов как будто всех кто был – на улицы выгнали. Звонил паре ребят знакомых, один в ДПС, второй дознаватель в 65-м – всех выгнали на работу, многих в ночную на дежурство поставили. Ввели план «Цитадель» –

просто перекрыв все входы и выходы в ОВД по всему городу, сейчас ни в одну ментовку так просто не зайдешь. Такое впечатление, что обороняться от граждан собрались.

– А сами твои друзья что говорят?

– Да ничего не говорят. Сказали быть готовыми к любым нештатным ситуациям, а к каким – не пояснили. Из оружейки все автоматы достали, какие были, и раздали даже следокам, прикинь!

– Революция что ли намечается? А то в Питере я за несколько минут кучу скорых и полицейских машин насчитал. ОМОН куда-то только что ехал.

– Ну, была бы революция – мы бы, наверное, про неё узнали задолго до. Тут что-то другое. Про войну тоже не говорят. Молчок уже вторые сутки, хотя полицейские на местах наверняка бы проговорились. Но им тоже ни хрена не говорят, – кажется, Лёха был возмущен тем фактом, что ему до сих пор не слили государственную тайну.

– Ну а слухи какие ходят? А то я от жизни малость отстал за месяц с хвостом.

– Говорят то ли про психическое обострение какое-то, что маловероятно – явление это не массовое, насколько я могу судить. То ли про какую-то инфекцию, и вроде как всех хотят на карантин по домам разогнать. Но при этом непонятно, зачем такие меры по ментам, если просто карантин. Мне сосед сегодня сказал, что у его детей школу на карантин закрыли, может это оно и есть, не знаю. Вроде как несколько

детей заразились чем-то и всех по скорым развезли, а что там дальше – сам не знает. В новостях вообще ничего толкового.

– М-да... пойду-ка до дому дойду, что ли. А то вообще непонятно ничего. Хоть узнаю из новостных лент, что происходит. Мне пока кроме тебя никто не звонил. Пара коллег написали только, что с работы одну бабу в больничку увезли, её то ли собака покусала, то ли не собака – непонятно, короче. Кто-то покусал довольно сильно. И это всё из происшествий, к делу не относится. По остальному тишина.

– Ты давай, Димон, береги себя, что ли. Если что – звони.

– Давай, и ты тоже. Рад был слышать.

Вознесенский крепко задумался. Что если в стране действительно какая-то кутерьма закручивается, а он и не в курсе со своей командировкой? Может, пора до дома добраться, и чёрт с ним, с недельным отпуском. А то так не дай Бог ещё забастовка какая на дорогах или ещё что, или и правда карантин. Фигово в чужом городе, пусть даже у родственников, оставаться.

Дмитрий больше всего не любил чувство неопределённости, когда сидишь и не знаешь, что делать, и делать ли что-либо вообще. Вдруг надо бежать из города или тушёнкой закупаться в срочном порядке? Или наоборот – ерунда всё, само рассосётся за пару дней, что бы это ни было.

Вознесенский набрал телефон мамы.

– Дима, привет! Я только собиралась тебе звонить, как чувствовал, – мама говорила быстро, что было нетипично

для неё. Вероятно, чем-то взволнована, – как ты? Ты сейчас у Тани и Саши?

– Да, мам, привет! У них. Мне сейчас Лёха Ковалёв позвонил, говорит в Москве беспокойно как-то. В Питере тоже не очень понятно, что делается. Я подумываю вернуться сегодня или завтра край, пока не решил.

– Слушай, у нас в подъезде буквально пятнадцать минут назад соседку увезли в психиатричку. На людей бросалась, троих из дома покусала, ещё мужа и двух детей. Санитары пока её скрутили – тоже двоих перекусала, хорошо так. Я бы подумала, что весеннее обострение у психов, но мне подруга звонила, а до неё – коллега по работе, говорят тоже что-то подобное видели. У Ленки из тридцать шестой муж врач в военном госпитале в Купавне, говорит всех вызвали из отпусков и с выходных, у кого были, и ставят на дежурство. Он с каким-то своим приятелем из Минздрава связался, вроде как по Москве пошла эпидемия бешенства, люди заболевают. Причем кто занёс неясно. Вроде из Европы пришло, но это пока не точно, больше слухи. Ты смотри поаккуратнее там, ладно? В приключения всякие не лезь, и старайся поменьше с людьми контактировать.

– Ну ма-ам, ты со мной как с маленьким ребёнком. Сам знаю.

– Не спорь! – мать была непреклонна, – я лучше знаю. Видишь дурака какого – лучше беги подальше, кто знает, как эта зараза передаётся.

– Если это вообще она. Земля слухами полнится, а у страха, как известно, глаза велики. Ещё и не такое выдумают. Но я тебя понял.

– Мне, Дима, несколько разных людей, друг с другом не знакомых, говорят одно и то же. И как-то по всему выходит, что похожее. Так что приезжай поскорее. И Тане тоже передай, чтобы без нужды на улицу не выходили.

– Хорошо мам, понял тебя. Я напишу, когда в поезд сяду. Всё, целую.

Вознесенский не сказать чтобы был удивлён – он вообще давно перестал чему-либо удивляться, особенно в последние несколько лет, когда интересные события на планете происходили одно за другим, и подготовиться к этому было решительно невозможно. Однако его терзали опасения, что рвать когти нужно сейчас. Здесь, в Питере, он был совершенно не готов ни к чему. Там, у себя дома, совершенно другое дело.

Проходя мимо очередного дома-колодца, Дмитрий внезапно услышал грохот одиночных выстрелов во дворе и крики. Через несколько секунд со двора выбежали двое людей – мужчина и женщина. Они явно бежали от кого-то. Мужчина держался за окровавленную кисть, женщина ладонью прикрывала лицо. Вознесенский крикнул:

– Что случилось? Помочь чем?

– Не ходи туда, мужик, – откликнулся возбуждённый мужчина, – там какой-то психопат неадекватный. Меня укусил и её вот за лицо, – указал он в сторону женщины.

– А стрелял кто? Я выстрелы слышал.

– Да у нас во дворе живёт один, в полиции служит. Сказал нам бежать со двора, я так понимаю, он в этого идиота стрелял.

– Ясно. Не пойду, пожалуй, – Вознесенский взглянул на темный проем арки, но оттуда так никто и не вышел. Картинка начинала потихоньку складываться на фоне того, что он услышал и увидел за последние полчаса. «Ну его нахрен», – подумал Дмитрий, – «пойду домой от греха подальше». И, развернувшись, быстро направился к дому.

Дмитрий не стал идти через дворы, потому как пространство там было замкнутым и тёмным, а он не был местным, чтобы знать все закоулки и пути обхода и если нужно – отхода. А вместо этого решил обойти немного другим маршрутом и войти в дом через другой вход. Не выходило у него из головы то, что сказала тётка – что его нашёл какой-то непонятный гражданин и даже приходил в квартиру. В этот момент Вознесенский лихорадочно пытался вспомнить, не перешёл ли он дорогу каким-то бандитам и кто и за что его может пытаться так упорно искать, что аж в Питер приехали. Но в любом случае, кто бы это ни был – бандиты, менты или ещё кто-то – Дмитрий не хотел встречаться ни с кем из них.

Осторожно выглянув из-за угла и убедившись, что никого нет, он незаметно прошмыгнул в дверь и быстро и почти бесшумно вбежал по лестнице наверх. Питер был в этом плане очень удобным городом для преступников всех мастей со

своими лабиринтами дворов и двумя входами в дом в старых районах.

Постучался в дверь, предварительно посмотрев в колодезь лестницы вниз и вверх, и вошёл в квартиру.

– Дядь Саш, тётъ Тань, я думаю что из города надо бы уехать. Ну а если не уехать, то хотя бы затариться едой на недели две и не выходить. Что-то странное происходит, сам убедился.

– Да, мы как раз хотели поговорить на этот счёт. У меня точно такое же мнение, – согласился Александр Вознесенский, побелённый сединами мужчина с умным лицом и внимательным взглядом. Видимо, эту мысль он тоже успел обдумать.

– Что делать будете и как я могу помочь? Давайте что-нибудь решать, потому как мне в Москву надо ехать либо сегодня, либо максимум завтра. Наверное, всё же завтра поеду...

– Помочь ничем, ты давай до дома добирайся побыстрее. Мы сейчас соберём вещи тоже, погрузимся в машину и на дачу рванём под Сестрорецк. Посидим, пока не станет ясно, что происходит. Ну и пока всё не уляжется, конечно же. Выезжать будем ближе к вечеру, ключи тебе оставим. Если надо будет ещё денёк-другой пересидеть или позже приехать – пусть будут.

– Спасибо. Вы тогда как доберётесь – отзвонитесь. Я тоже сообщу. Родителей, наверное, тоже на дачу надо вывезти. Если подтвердится, что и правда болячка какая, или что

иное неприятное – то куча народа поедет одновременно, и ещё из города не выберешься.

В кармане вновь ожил телефон. Звонил неизвестный номер. Дмитрий взял трубку.

– Дмитрий Вознесенский, я полагаю? – у собеседника был низкий железный голос. Мужчина явно серьёзный, и у таких как правило и намерения серьёзные.

– Да, слушаю вас.

– Меня зовут Валерий Павлович Николаев, подполковник службы внешней разведки. Нам с вами нужно очень серьёзно поговорить. Слушайте внимательно.

За несколько минут до этого. Москва, штаб-квартира Службы Внешней Разведки. Валерий Николаев.

Подполковник Николаев находился в своём кабинете не один. С ним присутствовал его коллега и помощник, аналитик из соседнего отдела. Данные, которые были получены час назад, удручали: то, чего так боялся Николаев, курируя объект в Киеве, случилось в действительности. По всему выходило, что эпидемия, которую разрабатывали дорогие западные партнёры на Украине, и которая пока не была даже примерно изучена специалистами из СВР, начала своё победное шествие по России. Самым печальным в данной ситуации оказалось то, что разведка была в курсе исследований, но пока не представляла характер угрозы и потому не

имела инструментов для борьбы с ней в случае появления. Изначально предполагалось, что ЦРУ в очередной раз устроит диверсию против животноводства в России, но судя по тому, что видел Николаев в многочисленных отчётах, проект вышел из-под контроля где-то в Европе и начал распространяться повсеместно. А вот что могло удивить простого обывателя, но при этом не удивило Валерия, так это полное отсутствие реакции властей в Европе. Гражданам России зачастую казалось, что европейцы – это высшая цивилизация и там должен царить закон и порядок, но реальность сформировалась совершенно иной. Постоянное следование местных чиновников букве закона и различным протоколам с маниакальной педантичностью, а также общая расслабленность, возникшая на фоне высокого уровня жизни, привели к тому, что Европа оказалась не готова к нештатным ситуациям подобного рода вообще. Вести, приходящие из Германии, Франции, Бельгии, а позднее и ряда других стран показали, что вирус распространяется по территории Евросоюза с ошеломительно высокой скоростью, а до введения чрезвычайного положения власти так и не дошли. В России тоже, правда, но по крайней мере местные ведомства встали под ружьё и правительство уже разрабатывает план действия, хоть и недостаточно быстро – видимо, никто от низов и до верхов до сих пор не мог поверить в то, что смертельно опасный вирус уже поразил крупные мегаполисы и расходится по стране. Ну или ждут что будет и наблюдают, чтобы

не делать поспешных выводов и необдуманных, неправильных решений. Единственное, чего сейчас опасался Николаев – это той красной черты, за которой, в случае промедления, наступит точка невозврата, когда количество пострадавших от неизвестно вируса превысит критическое значение и будет уже поздно собирать всё по кускам.

О том, что вирус покинул лабораторию, узнали случайно и не сразу, но при этом довольно быстро: СВР занималась постоянной слежкой за перемещениями потенциальных участников проекта, среди которых был тот самый Юджин Левинсон. Когда наблюдатели на Украине сообщили, что Левинсон покинул страну и направляется в США, за ним выехали два агента, предварительно получив данные о рейсах, пересадках и месте назначения через внутренние каналы в «Украинских авиалиниях», а затем и аэропорте Франкфурта. Всего было пять человек, связанных с проектом, однако четыре из них, как выяснилось по результатам слежки и перехватов телефонных разговоров, были причастны к обслуживанию объекта и связям с украинскими спецслужбами, то есть интереса с точки зрения предоставления информации о биологических исследованиях у СВР не вызывали. Что касается Левинсона, то информацию о курируемом им проекте и местоположении лаборатории еще во время проектных работ по обустройству бывшего советского медико-биологического исследовательского центра предоставил двойной агент в ЦРУ. Который, как предполагали в СВР, работал также на

израильскую разведку. Однако, что знали израильтяне и знали ли они вообще что-либо – Николаеву пока было неясно. Да и восточная Европа, по большому счёту, в орбиту интересов Моссада входила постольку-поскольку. Саму лабораторию также постоянно держали под наблюдением сотрудники СВР, однако бывший НИИ был очень серьёзно переоборудован с целью предотвращения утечки информации, и сотрудники центра постоянно находились на территории в жилом модуле, не выходя наружу. За пределами территории жил только сам Левинсон, но за ним также круглосуточно велась слежка как российскими, так и украинскими сотрудниками спецслужб. Выкрасть учёного или перевозимые им данные без вступления в прямое столкновение с украинскими спецами было невозможно. Еду и прочие продукты для поддержания жизнеобеспечения центра также завозили «коллеги» из СБУ, то есть вариант размещения подслушивающего устройства таким образом не рассматривался. Связь с центром Левинсон держал через защищённый канал, а прослушка отеля с помощью эндовибратора оказалась возможна только на начальной стадии проекта – видимо, в СБУ поздно спохватились с защитой, но спохватились. Не потому, скорее всего, что не могли предусмотреть подобный вариант событий, а исключительно из-за длительных согласований на старте. Сотрудники СВР в течение двух недель прослушивали номер отеля, в котором жил Левинсон, с помощью улучшенной версии советского «Златоуста» – устрой-

ства, считывавшего вибрации оконного стекла во время разговора внутри помещения. Техника, проверенная не раз, и здесь не подвела: во время разговора Левинсона по телефону вибрации голоса передавались на стекла, которые работали как мембрана динамика, а удалённый остронаправленный микрофон, стоявший на пятом этаже съёмной квартиры в доме напротив, считывал звуки. За две недели сотрудникам СВР, круглосуточно дежурившим на посту, удалось получить достаточно большое количество информации о происходящем, причём стало ясно, что крот в ЦРУ не сохранил и не пустил дезу – Левинсон лишь подтвердил правдивость крайне тревожных новостей. Однако спустя две недели получать информацию подобным, наиболее лёгким способом, оказалось невозможно: украинские СБУшники установили на все окна генераторы белого шума с пьезо-элементами, прикреплёнными к стеклу, и из-за постоянных вибраций окон прослушка стала невозможной. Соседние номера также были сняты представителями спецслужб – не только для охраны, но и для предотвращения возможности прослушки номера сквозь стены. Вешать на машину GPS-маячок также смысла не имело – Левинсон ездил только по одному и тому же маршруту, нигде не останавливаясь. Специалистам из СВР пришлось покинуть квартиру напротив отеля чтобы не быть обнаруженными: коллеги из СБУ также наблюдали за домами напротив, и очень быстро стало понятно, что они также используют спецтехнику для обнаружения ла-

зерных лучей и оптических устройств. Чтобы не подвергать опасности своих сотрудников на чужой территории, руководство в Москве приняло решение отозвать спецов от отеля и разместить на пути следования машины, что, впрочем, никакой пользы не дало. Единственным возможным способом получать информацию о ходе проекта стал контакт с прикормленными людьми в ЦРУ. К сожалению для российской разведки, информатор знал только в общих чертах, чем занимается лаборатория, но то же самое знали и в СВР, и именно этим было обусловлено отсутствие деталей разработки вируса.

Николаев, практически лысый и, как и полагается любому нормальному разведчику, внешне довольно невзрачный и не запоминающийся мужчина глубоко на пятом десятке, очень внимательно слушал доклад коллеги-аналитика, вдумываясь в каждое произнесённое им слово и стараясь ничего не упустить. В голове роились мысли, которые Валерий выстраивал в единую картинку и раскладывал по полочкам. Он вообще был очень системным и умным человеком с математическим складом ума, что в какой-то мере ему же и мешало в общении с большинством окружающих его людей: Николаева считали изрядным занудой из-за привычки расставлять всё по местам, особенно те, кто мыслил очень поверхностно, быстро и шаблонно, стараясь не вникать в суть глубоко. Валерий же занимался тем, чем и должен был заниматься в жизни: масштабной аналитикой. И получалось у него это

прекрасно.

– ...и ещё, Валерий Павлович, утром Волков доложил, что по результату контакта с информатором в Киеве они пришли к выводу, что биолaborатория закрыта. У нас нет прямого подтверждения этому факту, поэтому на месте работают люди, думаю, сегодня-завтра мы что-нибудь узнаем. Однако присутствия украинских спецслужб в данный момент не наблюдается.

– Каким образом закрыли проект? Это же не банка с огурцами, чтобы взять и закрыть её просто так, – Николаев откинулся в кресле, взглянул на шкафчик, стоявший в метре от себя, и заметил за стеклом бутылку коньяка. – Кстати, Саша, коньяк будешь?

– Служба же, Валерий Павлович, – скривился коллега, хотя и покосился на початый «Реми Мартин» вождеденно.

– Ну, смотри. Итак, что с самой лабораторией?

– Как утверждают наши люди на месте, Левинсон уехал из отеля ближе к ночи, поехал в аэропорт. Об этом чуть позднее. А уже на следующий день из лаборатории выехал ещё один человек, данных по которому у нас пока нет. Затем с места снялись сотрудники СБУ, которые сидели на «Киев-ФармБио» и вели за лабораторией круглосуточное наблюдение.

– Это ничего не значит, в сущности, – отмахнулся Валерий, – есть конкретика?

– Да, есть кое-что, – осторожно ответил ассистент, – на-

ши ребята зафиксировали достаточно сильный подземный взрыв в районе лаборатории. Пока преждевременно говорить о чём-то, но мы предполагаем, что либо там случилась техногенная катастрофа, либо лаборатория самоликвидировалась.

– А люди? Там же люди работали, так?

– Верно. Но эвакуации мы не видели. Либо провели её прямо у наших ребят под носом, что маловероятно, либо там есть система туннелей и выходов, что более вероятно. Однако предположу, что людей в данный момент там нет.

– А если у них какой-нибудь насос взорвался или что-то в таком духе?

Помощник вздохнул. Ответить на это было пока нечего – только предположения.

– Я думаю, навряд ли на поверхности кто-то мог бы почувствовать взрыв насоса или газовой станции, если таковая там вообще имелаась. Здесь речь идёт именно о взрыве большой мощности, скорее всего, в несколько сотен килограмм в тротиловом эквиваленте. В теории, это может быть и техногенная катастрофа, как я уже сказал, но мне почему-то кажется, что всё-таки речь идёт о ликвидации. И вполне возможно, что она связана как раз с утечкой вируса.

– Ну хорошо, допустим, – согласился Валерий, затем встал и всё же налил себе и коллеге по пятьдесят граммов коньяка в приземистые бокалы на тонких ножках, – но ведь эвакуированный персонал должен был куда-то деться? Хотя

бы улететь из страны или засветиться как-то?

Помощник пожал плечами, показав что понятия не имеет, куда делись люди. Затем взял предложенный бокал и одним глотком осушил его. Шумно выдохнул и продолжил:

– По людям работают. Что-нибудь нароют – я обязательно сообщу.

– Левинсон, как мы выяснили, мёртв, – перевел тему Валерий, сделав определённые выводы по докладу, – что ещё известно?

– Да. Левинсон вёз с собой личные вещи, среди которых, как мы предполагаем, был ноутбук с данными по разработкам. Мы его видели с сумкой накануне, скорее всего он отправил её в багаж. И здесь начинается самое интересное. Когда Левинсона госпитализировали прямо в аэропорту, наш агент принял очень верное решение – перехватить багаж Левинсона на пересадке и привезти его ближайшим рейсом в Москву. Однако чемодан кто-то забрал. Буквально за пару минут до прихода нашего сотрудника в зал выдачи какой-то неизвестный нам гражданин утащил багаж с ленты и скрылся. Нам пока неясно, кто это был, вероятнее всего – кто-то из сопровождавших Левинсона сотрудников СБУ. Ну, или конкурирующая фирма. Моссад, СБУ, может быть немецкая БНД... только предположения, и ничего более.

– Саша, – улыбнулся Николаев, – а вот здесь уже я тебе расскажу всякое. История там из серии «нарочно не придумаешь». Багаж этот улетел в Россию. Более того, как нам со-

общили наши лучшие друзья в ЦРУ, они пробивали человека через службу безопасности аэропорта во Франкфурте, и в итоге вышли на нашего соотечественника, некоего Дмитрия Вознесенского из Москвы. Сейчас уточняем его контактные данные и местоположение. Информация пришла поздно, но думаю в течение часа мы будем понимать, что делать дальше.

– Тогда больше ничего. Всё что знал на данный момент – рассказал.

В дверь постучали. Через секунду в проёме появилась коротко стриженная русая голова.

– Товарищ подполковник, разрешите?

– Давай, заходи уже. Если что срочное – без стука и разрешения.

– Вас понял, – молодой офицер прошёл в помещение и застыл возле стола.

– Докладывай, что у тебя, – Николаев зацепился за подчинённого внимательным взглядом, ожидая новой информации.

– Товарищ подполковник, мы пробили наш объект по всем базам, вот и вот, – молодой выложил две распечатки на стол, – этот гражданин действительно был на рейсе и мы предполагаем, что багаж с, возможно, документами сейчас находится на руках у Дмитрия Вознесенского. Данные по биллингу получены от сотового оператора буквально несколько минут назад. Вознесенский находится в Санкт-

Петербурге у своих родственников – Александра и Татьяны, фамилия та же. В течение получаса поставим прослушку на его мобильный телефон. С самим Дмитрием Вознесенским пока не связывались. Ждём ваших указаний.

– С Вознесенским я сам свяжусь. Но новость хорошая. Даже очень. Можно сказать, нам очень крупно повезло. Если бы чемодан уехал куда-нибудь дальше в Европу или остался бы даже на складе хранения во Франкфурте – это очень осложнило бы дело. Особенно ввиду катастрофической нехватки времени. А здесь – чем раньше мы начнём расшифровку данных, тем раньше поймём, с чем мы столкнулись. Ну и передадим нашим специалистам для разработки лекарства или вакцины.

– Товарищ подполковник, новость хорошая, но есть и плохая.

– Как в доброй половине старых анекдотов, мда... И какая плохая? Не томи.

– Плохая новость заключается в том, что сегодня утром ЧВК «Сильвер Хилл» получила приказ найти Вознесенского и отобрать у него ноутбук или документы по разработкам. Причём совершенно недвусмысленно было сказано, что если Вознесенский окажет сопротивление, его нужно будет устранить. Предполагаю, что этот вариант всех бы устроил, даже если Вознесенский сопротивления не окажет.

– Кто заказчик? И как узнали?

– Как узнали – не скажу точно, этим коллеги занима-

лись. Вероятно, прослушивали помещение или телефоны, не знаю. Но заказчик из ЦРУ почти наверняка. Сотовый оператор, которому мы сделали запрос, определил расстояние от вышки на момент звонка, и примерно там как раз располагается квартира Алекса Эндрюса, одного из руководителей ЧВК в Восточной Европе. Звонок был зафиксирован с неизвестного американского номера накануне вечером, один единственный и скорее всего именно на какой-то из номеров, принадлежащих Эндрюсу. А уже утром была перехвачена данная информация. Более того, мне также сообщили, что кто-то из охотников выехал по месту проживания родственников Вознесенского в Санкт-Петербурге. Я боюсь, что счёт может идти на минуты.

– Есть возможность выяснить, с какого номера и откуда звонили?

– Наверяд ли. Номер защищён, а сотовый оператор лишь оказал посредническую услугу, наведя мост связи, но при этом дать более подробную информацию не смог технически.

– Вы сообщили коллегам в Санкт-Петербурге?

– Нет, товарищ подполковник, не успел. Я как детали узнал – сразу к вам, пока не звонил никому.

– Ясно. Тогда сейчас же обеспечьте прикрытие Вознесенскому на месте. Найдите кого-то из наших неподалеку и попросите чтобы присмотрел за объектом, а главное – за вещами.

– Мне сказать, чтобы у Вознесенского забрали чемодан? В Москве и в Питере бардак уже серьёзный начинается, есть риски...

– Нет. С Вознесенским я свяжусь сам, это первое. – Николаев задумался. – А второе – пусть он довезёт документы или ноутбук, что бы там ни было, до Москвы. Я заберу у него лично. Данные не должны затеряться, в том числе и в нашем ведомстве.

Оба присутствующих понимающе кивнули. Информация должна попасть именно к тем людям, кто занимается проектом. В противном случае есть риск, что внутри самой службы произойдёт утечка данных, утеря, передача не в тот департамент – а время сейчас играет сильно против. Да и потом, Николаев нёс прямую ответственность и за проект, и за материалы по нему. И получить проблемы из-за чьей-то подковёрной возни или непонимания смежниками необходимости срочной передачи информации не желал совершенно.

– Вас понял, товарищ подполковник. Вознесенского найдут. Дальше что?

– Взять под охрану, сопроводить до Москвы и передать нам в руки. Людям в Петербурге не говорить ничего про био-разработки и характер груза. Просто скажите, что они должны любой ценой довезти Вознесенского до нас. Одного на квартиру срочно, еще найдите хотя бы одного сотрудника, который сопроводит его на транспорте.

– Двоих достаточно будет?

– Думаю да. Но при оружии. Главное чтобы наш клиент побыстрее из Питера выехал, а здесь уже разберёмся. Вы свободны.

Николаев отпустил молодого, а своего коллегу и помощника из отдела аналитики жестом попросил остаться, попутно набирая на смартфоне номер Вознесенского, указанный в распечатке. После пары гудков Дмитрий взял трубку:

– Дмитрий Вознесенский, я полагаю?

– Да, слушаю вас.

Николаев мысленно перекрестился. Слава Богу, жив, вроде бы здоров и отвечает на звонки. А случиться, ввиду ситуации, могло что угодно.

– Меня зовут Валерий Павлович Николаев, подполковник службы внешней разведки. Нам с вами нужно очень серьёзно поговорить. Слушайте внимательно, – представился подполковник.

– Добрый день, Валерий Павлович. Чем могу помочь и по какому вопросу звоните?

– Дмитрий, я сейчас буду говорить от лица всей СВР. Дело государственной важности. На все вопросы прошу отвечать максимально честно, от этого очень многое зависит. Вы согласны?

– Да, вполне, – Вознесенский был серьёзен, и Николаев понял это, чему обрадовался несказанно – ведь на том конце провода мог попасться и безответственный недоумок, и городской сумасшедший, и просто вредитель или вымогатель.

Всяких людей успел повидать подполковник за годы службы, и в целом не очень адекватных или умных в подавляющей массе.

– Хорошо. Скажите, это ведь вы забрали чужой багаж в аэропорту Франкфурта?

– Да, всё верно. По ошибке утащил. Верну в аэропорт как смогу, сейчас не пойми что в городе происходит. Какие-то беспорядки. Поэтому прошу извинить за задержку. Это ваши вещи?

– Нет, это не мои вещи. И багаж в аэропорт возвращать не нужно. Дмитрий, что внутри чемодана было, когда вы его открыли?

– Сумка с ноутбуком, в ней же две небольшие папки с распечатками – что-то с медициной связано. Я так понимаю, хозяин груза – фармацевт. Много на латыни, графики какие-то и снимки, я не вдавался. Ещё личные вещи, электробритва, пара книг, блокнот для записей – там тоже куча пометок, но я просто открыл и закрыл, ничего не знаю, – по голосу и сказанному Николаев понял, что Вознесенский одновременно хочет и помочь и избавиться от возможных проблем.

– Хорошо. Смотрите, в общем, ноутбук принадлежал учёному-биологу, в нём крайне важные наработки по... медицине, нам он очень нужен. Прошу вас в сумку также положить все распечатки и блокноты с записями, которые найдёте. Вам нужно будет передать эту сумку мне лично на Ленинградском вокзале, когда вы приедете в Москву. В срочном по-

рядке берите билет. Ещё раз повторюсь, дело государственной важности, не терпящее отлагательств. Наше ведомство компенсирует вам все транспортные расходы и не только, а также обязуется выплатить крупную денежную премию за помощь и сотрудничество.

– Валерий Павлович, давайте баш на баш. К тётке сегодня приходил какой-то кавказец, совершенно бандитского вида, и спрашивал меня. Скорее всего, шёл за ноутбуком. Через некоторое время вы мне звоните и просите вернуть его. Я бы хотел понимать, в чём дело, почему я должен, бросив все свои дела, срываться в Москву, и почему ваши люди без предупреждения ломятся в дверь к моим родственникам?

– Дмитрий, это были не наши люди. В том-то и проблема. Я хочу быть с вами максимально откровенен, насколько это возможно в текущей ситуации, и сообщить вам, что передать мне данные в ваших же интересах. Тот, кто к вам приходил, ищет эту информацию тоже, и он не принадлежит ни к одной российской спецслужбе. Как вы его описали – бандитского вида – вполне соответствует действительности. Считайте, что цена вашей жизни – это та сумка, которую вы по ошибке унесли из аэропорта. И вопрос лишь в том, вы быстрее нам её отдадите, или до вас доберутся вот такие вот посетители. А тут уж вам решать.

– Тогда ещё вопрос, Валерий Павлович, если позволите: по первому взгляду на записи я понял, что речь идёт о какой-то информации в области фармацевтики. В фармацев-

тических кругах обычно не сталкиваются бандиты – или кто это был – и представители внешней разведки. А если учесть, что вы представляете именно внешнюю разведку – я могу предположить, что источник происхождения информации находится за рубежом. Тогда ответьте мне на простой вопрос: связано ли это как-то с происходящим вокруг бардаком, и если да то как?

– Вы хороший аналитик, Дмитрий, – искренне похвалил своего собеседника Николаев, – очень красиво и изящно расставляете по полочкам не связанные на первый взгляд данные. Вам вполне можно было бы работать в разведке.

– Я инженер, мне положено уметь думать. Ну так что?

– Дмитрий, давайте так: вы не тянете из меня больше чем требуется, понятно? Я вообще-то и так не должен был с вами контактировать. Мне проще было послать людей, которые бы просто забрали у вас сумку с ноутбуком.

– Тогда я вам зачем нужен?

– Вы мне нужны только для того, чтобы собрать всё и ничего не упустить – это во-первых. А во-вторых – доставить груз в Москву и передать мне лично в руки. Это минимизирует риски утери данных или замедления их передачи, в силу определенной специфики работы между отделами в нашем ведомстве. После того как всё передадите – получите денежную премию и идите на все четыре стороны. По выплате не обидим, поверьте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.